

ВІЛЬНЕ ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО КОЗАЦТВО

25 listopadu 1930.

Volné Kozáctvo

Ročník III.

69

25-го ноября 1930 г.

25-го листоп. 1930 р.

П Р А Г А

П Р А Н А

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

РІК ВИДАННЯ 3-й

Н. Тинго

СОДЕРЖАНИЕ.

1. В. М. Резников: * * Стихи. (Verše).
 2. Константин Поляков: * * Стихи. (Verše).
 3. В. Седов: На побывку. (Na dovolenou).
 4. Оксана Печениг: Мандрівник. (Tulak).
 5. Петр Закрепа: Беспризорий. (Tulak).
-
6. Международные костры. (Mezinárodní ohničky).
 7. Государственный переворот на Кубани 6-10 (19-23) ноября 1919 г. (Statní převrat na Kubani 6-XI-1919).
 8. Страницы казачьей истории. (Stranky kozacké historie).
 9. П. И. Кокунько: Наше прошлое. (Naše minulé).
 10. В. П. Елисеев: „Белое окружение“. („Bilé komando“).
 11. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
 12. Казачье колонизационное дело. (Kozácká kolonisace).
 13. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 14. В Казаккии. (V Kozakii).
 15. Среди русской эмиграции. (U ruské emigrace).
-

Почтовый ящик.

Латвия. — Ю. К. — Просьбу исполняем. Привет.
Манчжурия. — Ф. Л. — Хорошо. Условия сообщим.

Германия. — Д. Т. — Хорошо. Привет.
Франция. — И. Е. — Просьбу исполняем. Привет.
Югославия. — В. Б. — Хорошо. Привет.
Шабач. — Я. Е. — Журнал Вам посылается. Привет.

Парачин. — А. Д. — Будет помещено в следующем номере. Привет.

Югославия. — Т. Т. — Просьбу не можем исполнить, т. к. бесплатную рассылку журнала должны будем сократить. Подписная плата на „В. К.“ не так высока. Кто платит подписную плату, тот хочет иметь казачье печатное слово. Платили же и платят казаки в разные чужие „фонды“, надо же когда нибудь помогать и казачьему делу. Привет.

Югославия. — А. Г. — Получено. Привет.

Франция. — Д. Д. — К сожалению, бесплатно высылать журнал дальше не можем. Привет.

Югославия. — Ф. Я. — Колонизационным делом ведает особый Комитет. Постепенно будут разъяснены все интересующие Вас вопросы. Предварительная запись желающих переселиться уже открыта. Привет.

Болгария. — Я. Л. — Получено. Подойдет. Просьба будет исполнена. Привет.

Польша. — Б. Ф. — Получено. Привет.

Румыния. — А. Б. — Получено. Попробуем использовать. Привет.

Франция. — А. Т. — Хорошо. Ответ послан. Привет.

Польша. — В. С. — Рассказ „Седловка“ получен. Может быть напечатан, но лучше под собственным Вашим именем. Сообщите ред. свое полное имя и адрес. Пишите еще. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи - Димитров, 3.
Н. В. Аниканов. Княжево - Софийско. б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В ЮГОСЛАВИИ:

Г. Г. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“.
А. А. Гейман. Зајечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопье.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

В О Ф Р А Н Ц И И:

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B.“ Paray le Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. И. Абушинов. M-r Abouchinoff, Cite Naval, 28 Cou ron (Loire Inf.)

В ПОЛЬШЕ:

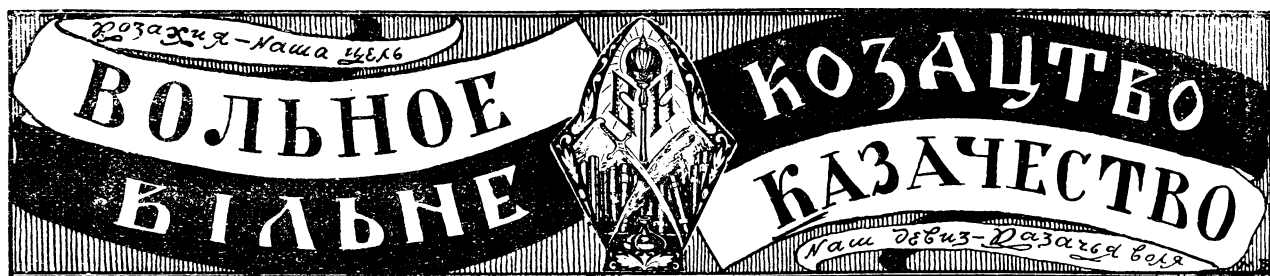
Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 29, m. 7. Warszawa.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, kolonja Urzednicza dom Lojewskiego.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 32. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Fochova, 130. Tchecoslovaquie.

№ 69

вторник, 25 ноября, 1930 — вівторок, 25 листопада, 1930.

№ 69

В. М. Резников. (Болгария).

* * *

Мне скоро сорок лет —
Прожито — слава Богу,
А все лишь пустоцвет
Бесплодную дорогу
Годами окружал.
Ушло, о чем мечтал,
Ушло, как дым, бесследно, —
Вступил лишь я в портал...
Вокруг угрюмо, бедно...
А дальше — ремесло
Дорогу затруднило
И доступ к алтарям
Навеки заградило...
Подобно мытарям, —
Я — сборщик податей...
Лишь общество детей
Порой меня ласкает,
Да серый воробей
В глазах рябит, мелькает...
Проходят нудно дни...

Но мысли все одне
Покою не дают;
Порою, как огнем,
Блестят, зовут, плают:
— Гони унынье прочь,
Уходит тихо ночь,
Уж близок час рассвета...
Все надо превозмочь —
Любовь тоской одета...
Иди вперед, иди!
И властно всех буди
От Бога данным словом!
Пусть много мук в пути...
И в сердце очерствелом
Сумей привет найти...

Константин Поляков. (Прага).

ГОЛОС ВОЛИ.

Заседлаю коня я черкасским седлом,
Зануздаю шелковой уздой,
Заблится богатый набор серебром...
Конь с подпалиной, с белой звездой!

На коня я вскачу.
Принимай, степь, меня!
Вольной птицею я полечу...
Степь — стихия моя,
Степь вскормила меня...
Запою, засвищу, закричу:
Волен я и могуч,
Не боюсь гроз и туч,
Не страшат и полки москалей.
Не потупится взор, прямо, гордо глядеть
Буду в очи кремлевских царей.
Конь мой мчится стрелой,
Ветер дует степной
И волнует, как море, пырей...
Здесь лишь Воля, простор,
Здесь нет рабства цепей!
Ну, скачи же, мой конь, поскорей.
К нам приедет на Дон
Московитский посол,
Если он нас порочить начнет,
Круг уже порешил,
Он уж выход нашел:
В куль и в воду боярин пойдет!..
Ветер дует сильней,
Конь мой скачет быстрее
И земля под ногами гудит...
Взволновался седой
Дон, кипит и бурлит:
Круг державный добычу сулит!

Так и было потом —
Карамышев, посол,
Речь он дерзкую слишком повел...
Лесом сабель взметнулся майдан,
Полилась кровь из ран...
Круг казачью честь защитил,
Голубою волной Дон добычу покрыл.

В. Седов. (Франция).

На побывку.

(Окончание).

Солнце склонилось к вечеру, когда Миша возвратился с братом домой. В воздухе было душно попрежнему, несмотря на то, что солнце уже не так палило. Игнат сидел на тарантасе, свесив ноги в широких синих шароварах, и растегнув мундир. Черные кудрявые волосы почти закрывали своими завитками околыш синей фуражки. Красивая борода была тщательно расчесана. Лицо было белое, без признаков загара, и весь он выглядел чистым, холёным красавцем. Широкоплечий, плотный, с большими мускулистыми руками, с большой головой на короткой шее, он был похож на крепкий, стройный дуб. Все в нем дышало силой и здоровьем.

Ехали по пыльной столбовой дороге. Лошадь охотно бежала домой, помахивая головой и хвостом. Позади длинной лентой тянулась пыль. Впереди видно было стадо коров, возвращающихся с пастбища. Дружно трещали кузнечики, жужжали овода, шмели. Иногда с трескучим жужжанием пролетал черный жук. Стайка голубей с шумом и хлопаньем поднялась с дороги и, описав полукруг, вновь опустилась. Игнат внимательно смотрел по сторонам и расспрашивал Мишу о доме, об урожае, о хуторских новостях, о родных и знакомых. На сердце у него было легко и радостно. Все напоминало ему недавнее прошлое, родное, близкое. Воскресло перед ним детство, юность...

— Буланый молодец, еще служит, — сказал он, обращаясь к Мише.

— Ну, буланый сто сот стоит, — самодовольно ответил Миша, — из хамута не выходит, а тело вот держит. Всю весну в бороне и катке проходил, весь хлеб выкосили — его к быкам подпрягали, все почти обмолотили на нем и поехать куда — опять он же отвечает.

Игнат молчал. Ему страшно хотелось спросить Мишу о жене, но он и стеснялся и в то же время как-то боялся: „А вдруг Миша скажет что-нибудь не приятное и разобьет все его радостное настроение“. В душе происходила борьба. Рассудок говорил одно, сердце настоятельно требовало другое.

— Ну, а Анюта как живет, слушается старых? — начал Игнат мягко, как-бы издали, осторожно подходуя к тревожившему его вопросу.

— Слушается — ответил Миша и, смутившись, поглядел на брата. Он больше всего боялся, что брат его начнет допрашивать о жене и не знал, как ему отвечать. Миша несколько раз видел, как к ним на гумно, когда с Анутой пахали, ночью приходил Гриша Мордовцев и Анюта выходила к нему, думая, что Миша спит. „Сказать это брату, или не нужно?“ думал он. Он любил брата, любил и Анюту. Она такая ласковая, добрая. „Да теперь этому не поможешь, а лишнее расстройство в семье будет, да и в хуторе о ней никто ничего не говорит“, подумал Миша и решил ничего не говорить. Игнат помолчал, видимо собираясь с мыслями и наконец спросил:

— Не балуется?..

— Нет, ничего не слышать... да она куда и никогда не ходит, всегда дома, а когда к своим поедет, я с ней али мамаша... смирная она, — закончил Миша и замолчал.

Солнце село. Слабый отблеск его чуть-чуть освещал краешек неба. В воздухе пахло свежестью. Игнат полулежал, положив голову на согнутую руку и глядел в ясное голубое небо. Вот загорелась одна звездочка, мигнула другая, ярче блеснула третья, там четвертая и скоро нельзя стало их считать. Со свистом пронеслась стая диких уток. „На кормежку, на проса полетели“, подумал Игнат. На сердце у него было радостно и легко, разговор с Мишей о жене окончательно успокоил его и он уже мысленно ласкал маленькую, верную Анюту. Его захватила окружающая родная картина и он подумал: „Нет, Питеру далеко до наших мест, там всегда туман, сырость, такого неба там и в жизнь не увидишь... простор, тишина, воздух — дышешь, не надышишься!.. А пятнадцать дней пролетят и не увидишь, а

там опять служба“... Он с грустью вспомнил об учениях, уборке лошадей и, желая разогнать эти мысли, опять заговорил с Мишей.

— Миша, не думают наши тебя женить зимой?

— Мамаша поговаривает, да отец не хочет до службы женить, — ответил Миша.

— Нет, не женись Миша до службы, отец правильно решает. Кто его знает, какая попадется, а ты там думай, гадай. Не женатому служба легче, спокойнее. Окончишь службу и женишься. Жениться не долго. Видишь, какой теперь народ пошел, муж на службу, а жена со двора... сколько страмы и неприятностей в семье, развольничался народ, — закончил Игнат внушительно и замолчал.

— А большой, небось, город Петербург, — спросил вдруг Миша.

— Ну конечно большой, что концы краев не видать, царь же там живет.

— А ты видел царя-то?

— Как же, гвардейцы его завсегда видят, когда во дворце караул несут, вот и ты верно в гвардию попадешь, вишь какой ты выдулся, почти меня уже догнал, а когда я на службу выходил ты совсем еще парнишка был.

Мише в эту минуту особенно хотелось быть гвардейцем, служить в Петербурге. Ему нравилась нарядная форма гвардии, а главное знал, что все гвардейцы пользуются большим успехом у хуторских баб и девок.

Ложилась теплая, благодатная, летняя ночь. Было тихо в воздухе, на душе приятно. Наша Донская степь ночами особенно хороша, в ней что-то ласковое, чистое, как на душе ребенка.

В курене Рубцовых горел огонь. Вся семья, подчившись и приодевшись, с нетерпением ожидала служивого. Сам Степан Васильевич в шароварах с лампасом и в двухбортной серой тужурке с красными лацканами, распушив широкую бороду, сидел за столом, на котором стояли, в ожидании дорогого гостя, графин водки, настоящей на вишнях, соленые огурцы, свежая жаренная рыба, яблоки, груши. „Он нетерпеливо перелистывал Евангелие, ища любимую главу Иоанна. Дарья Яковлевна в новой, черной сатиновой кофте и такой же широкой юбке была особенно неспокойна. То и дело она который раз поправляла стоящую у стенки широкую кровать с горой подушек, передвигала закуски на столе, то поправляла красную горевшую лампу, то высккивала на крыльцо и, затаив дыхание, ловила звуки колес в ночной тишине. Анюта, чистая и нарядная, несколько смущенно-торжественная сидела на лавке, держа сынишку на коленях, который один, кажется был, равнодушен к событию и крепко спал невинным сном, уткнув голову в грудь матери.“

— А чайой-то забарились наши, — проговорил Степан Васильевич, отрываясь от Евангелия. Либо-што поезд запоздал?

— Господь его знает — ответила жена и опять вышла. Через минуту она вбежала обратно радостная и возбужденная повторяя: „Едут, едут! сейчас гремят насупротив Насоновых“. Все вышли на крыльцо. Стук колес действительно приближался ко двору. Наконец послышался веселый Мишин голос „тиру!“ и тарантас остановился у ворот. Дарья Яковлевна рванулась было к воротам, за ней двинулась и Анюта, но Степан Васильевич решительно остановил их и закричал:

— В курень, идите в курень, не хорошо у ворот видаться, счастья не будет. Он широко расставил руки, как бы боясь, чтобы они не проскочили мимо и тяжело зашагал, втискивая жену и невестку в дверь. Служивый вошел в застегнутом мундире, подпоясанный белым поясом и с шашкой на такой же белой портуpee. Сняв фуражку и передав ее по военному в левую руку, он трижды перекрестился на иконы и со словами: „здоровы живете, дорогие родители, разрешите повидатца“, поклонился отцу в ноги, а потом, обняв его, трижды, крест на крест поцеловался с ним. Мать стояла скре-

стив руки и по щекам ее катились обильные слезы радости. Она в первую же минуту готова была броситься в объятия сына, но веками выкованные казацки традиции удержали ее и она нетерпеливо ожидала того мгновения, когда обнимет своего сына. Игнат поклонился также и в ноги матери и хотел также обнять ее поцеловать крест на крест, но тут материнское сердце не выдержало: она повисла у него на шее, крепко впившись губами в его губы и слезы еще обильнее потекли по ее лицу. Казалось, она хотела на всю жизнь остаться в этом положении.

— Ну, довольно, мать! Дай же Игнаше с женой и сыном повидаться, — проговорил Степан Васильевич, нежно беря жену под руки и отводя ее в сторону.

— Да и довольно плакать, правду говорят, что у баб глаза на мокром месте приделаны, — проговорил он, хмуря брови, чувствуя что и у него начинает подступать к горлу.

Дарья Яковлевна, потирая глаза концом платка, взволнованным голосом говорила: „Да ненаглядный мой сыночек... да какой же ты стал полный... да вычистился... Наконец-то Господь Бог уподобил свидатца“.

Игнат трижды поцеловал жену, которая старалась разбудить мальчика.

— Да проснись Андрюшка, видишь папаня пришел?.. Но ребенок заплакал и снова заснул, только на несколько минут открыв ничего невидящие сонные глаза. Игнат взял его на руки, поцеловал в горячую щеку и, передавая матери, говорил: „Нехай спит, положи его на кровать, вишь какой казак вырос“.

— Ну, сынок, снимай свою амуничку-то, должно, она тебе на службе набрыдла, да садись за стол. Выпьем и закусим, чем Бог послал, — сказал старик Рубцов.

— Не обессудь Игнаша, что все постное, завтра будет и убоина и все. Всего у нас, Господь дал, хватит. Я ведь знаю, вы то на службе едите скоромное, не поститесь, — ласково проговорила Яковлевна с любовью и как будто извиняясь перед сыном.

— На службе дело другое, там и сам Господь простит, а тут же дело особое, — сказал отец и, перекрестившись, сел за стол. Служивый наскоро умылся, и, сняв мундир, сел за стол в передний угол.

— Ну, как папаша урожай, — спросил он, разглаживая свою черную бороду.

— Нечего гневить Бога, сынок, урожай хороший и на хлеба, на фрухту всякую, и на овощ. Мерок чыресты пшенички настукали, жито, ячмень, овес, а просо ишо не молотили: дождички перепалили, запоздали малость, но сычас погодка, Бог дал, установилась. Ишо недельку и все будет в закромах... Дождя три коровы, и опять стельные, три пары быков езжалых и парочка подростков; осенью думаем их запрягать; корма с весны были хорошие, скот сытый. Вот одна беда — рабочих рук маловато. Куды не кинь, все я, да Миша, Анюту тоже никак оторвать нельзя; матери трудно по хозяйству: коровы, свиней опять же десять штук, курей с молодником до сотни, сорок шесть гусей, семьдесят уток... Все надо покормить ко времени, приглядеть, куды же адной управитца, да и годы уже не молодые. Ну, а твоя как служба протекает, Игнаша? — спрашивал в свою очередь отец, наливая в четыре больших рюмки розовую настойку.

— Служба моя проходит по хорошему: конь служит молодцом; тело держит хорошо. Начальство меня любит. За всю службу всего один раз наряд получил в неочередь... Был дневальным по сотне и задремал, а как раз проходил дежурный по полку и дал наряд, а больше ни одного замечания никто не сделал, — отвечал служивый.

— Ну и слава Богу — проговорили почти в один голос отец и мать, — а что наряд так не без этого; конь об четырех ногах, да и то спотыкается, — проговорил Степан Васильевич, поднимаясь с рюмкой. Все встали, держа рюмки в руках.

Ну, сынок! — начал торжественно Степан Васильевич, — поздравляю тебя с родительскими домами, а нас с большой радостью, что привел Всевышний нам свидеться живыми и здоровыми. Извини, што посрал встретить тебя Мишу. По закону-то нам с матерью надо было ехать, да сам видишь, как раз нужно было пше-

ничку довести. Ну, а теперь выпьем по рюмочке, да закусим, чем Бог послал, а там и спать. Ты умаялся за дороге-то небось, да и мы нарабатывались хорошо, а завтра приедут сваты, ходим в церковь, отслужим молебен, разговеемся и попируем на радостях. Ну, будем живы, — закончил он.

Все чокнулись, выпили и сели закусывать. Скоро появился и Миша. Налили и ему рюмочку. Графинчик быстро убавлялся. С большим аппетитом закусывали все. Лица радостно горели. Шли нескончаемые разговоры. Служивый рассказывал о службе, о своих начальниках, о станичниках и хуторцах, о Петербурге. Отец и мать о хозяйстве, о хуторских новостях. Было уже далеко за полночь, когда все разошлись на покой.

Степан Васильевич уже через пять минут храпел в комнате, а в горнице еще долго слышались сдержанный шепот, смех служивого и Анюты. Яковлевна еще некоторое время прислушивалась и, успокоенная, заснула.

Утром в церковь выступили всей семьей, кроме Яковлевны, которой нужно было приготовить все к обеду. Она обещалась прийти к молебну. Рано утром, еще до церковного звона, приехали сваты — отец и мать Анюты. Впереди степенно выступал сам Степан Васильевич со сватом и свахой, оба в новых фуражках, сваха в новом платке — подарок служивого, а следом в полной военной форме — служивый с женой, которая вела за руку сына в Атаманский фуражке.

Утро было прекрасное, ясное. Чуть-чуть подымался беловатый пар от рош и садов. Тишина была необычайная. Праздник успокоил всех. Ни стука, ни шума. Было торжественно празднично, а колокольный звон умилял сердца и еще больше поднимал праздничное настроение. Казаки целыми семьями, нарядные и чистые, не спеша, шли в церковь. Все подходило к служивому, трижды целовались, расспрашивали про родных и знакомых. Игнат передал поклоны и письма от двух своих сослуживцев хуторцов их родным и просил зайти получить гостинцы.

При входе служивого в церковь прошел по народу шорох, послышался шепот, особенно среди женской половины: „Глядите, глядите девки, служивый Рубцов пришел, — шептали бабы толкая друг друга, — да какой бравый, да с бородой, чистяк-то какой и не угадаешь, — заметила одна из жалмеров, — а она перед ним, как зажатый орех...“ „Да, не такую бы ему жену надо“, — вставила одна, ревниво поглядывая на Анюту. „А поглядите бабы, какой он ей платок привез?“ „Шерстяной“, определила какая-то. „Говорят отцу, теще, сыну и Мишутке по фуражке, матери, жене и теще по платку хорошему“. Эта хуторская новость чуть свет облетела весь хутор и все теперь с любопытством гляделись в подарки.

Служба уже давно началась, но бабы и девки все еще продолжали шептаться и судачить.

После литургии служили молебен, на котором присутствовал хуторской атаман с наскокой. Батюшка, уже пожилой тучный мужчина, по окончании молебна поздравил служивого со свиданьем с родными и дорогими местами, а родителей с радостью и не преминул сказать краткую речь, пересыпая ее текстами из священного писания. Все они: священник, псаломщик и атаман были приглашены — и по случаю годового праздника и по случаю такой семейной радости — откусывать хлеба соли.

Обед был на славу. Любит казак покушать и выпить, а в такие дни как Рождество, Пасха или в случаях таких торжеств как прибытие сына со службы, особенно. Яковлевна решила не ударить лицом в грязь: стол буквально ломился от разнообразных и обильных яств казацкой кухни. Без обильной поливки с'есть такой обед нет никакой возможности, что и у Рубцовых хорошо понималось. Можно только удивляться, куда все это шло. Ели: жирные щи с бараниной, лапшу с утятинной, с'ели почти целого жаренного барана, поросенка с кашей, четыре курицы, залитых яйцами, четыре утки, гору блинчиков с маслом, огромный ворох вареников, плавающих в сметане, уйму сочных, душистых груш и яблок, до десятка арбузов и дынь и в конце концов закусил сотовым медом из собственного пчельника хозяина. Говорили много о всякой всячине. Но к

концу обеда от выпитого вина и обильного обеда разговор как-то не клеился, клонило ко сну. Сам батюшка, умевший и попить и поесть, с наслаждением думал о своей постели в прохладном хлебном амбаре, где он любил спать во время летнего зноя, а потому он и поспешил благословить всех на отдых.

Ушли почетные гости, а за ними и остальные разошлись, кто куда. А молодежь, оставшись, веселилась во всю. Всюду были слышны взвизгивания девчат, играющих в мяч, в горелки. Раздавались и мощные, задорные звуки двухрядки. Неслись старинные частушки — народной поэзии, тягучие старинные казачьи песни — эта лучшая история народа. В них вложено было все: и лихие набеги в древности на татар, и Азовское си-

денье... Грустно звучали слова и мотив песни казака в турецкой неволе, его тоска по родине-Доне. В иных была слышна казачья удаль, говорилось о Ермаке, Степане Разине, Булавине Кондрате и Пугачеве Емельяне. Пели и про 12 год, про Атамана Платова, про Кавказ и Бакланова, и про Турецкую войну, и про Японскую кампанию.

Вслушиваясь в песни казачьи, вы словно вновь переживаете историю Казачества. Несется она стройно, мягко и протяжно, лаская душу, то порой вспыхнет огнем удали, разгула и бесстрашия, то „звенит, как нежная струна“. О, милая, родная, привольная степь!.. Глубоко содержательная песня казачья! Что в мире может заменить вас!

Оксана Печениг. (Прага).

МАНДРИВНИК.

Чи очі я твої люблю?.. Не знаю я сама.
В них світла дня нема, і радості нема;
В них довга темна ніч і дивна в них і мла
Тяжкою мукою незрушно залягла.

Подивишся — і сум в душі встає і біль —
Мовчазні, наче тіні з під склепіння...
Зворушують чуття примари чорних хвиль;
І чути наче зойк, і чути голосіння.

Так в огни бува, коли пугач ляка.
Ой, Мати Божа, ой!.. Не дай у лісі згинуть!
Хай пішого й кінного хранить Твоя рука,
Хай кожний зблуджений під захнет Твій прилине.

Не з наших ти країв? (Чи чуєш знову плач?)
Далека ж твоя путь мандрівна і печальна...
(Ох, тужно закричав у лісі знов пугач...)
Ой, у очах твоїх ця ніч сумна прощальна...

Петр Закрепа. (Швейцария).

БЕСПРИЗОРНЫЙ.

Хмурится небо. Виснут тучи.
Хлопьями с неба — снег.
На тротуарах сток текущий
С грязью мешает бег.
Холодно... Жалости нет у Бога!
Города тихнет шум.
О, как бессветна, долга дорога
К небу идущих дум!..
Голые ветви стонут злее.
Ночи тяжел угар.
Сумрачны, тихи в ряд аллеи.
В инее спит бульвар.

Многим грядущий час неведом,
Многим затемнен день...
Чья там, забывшись, дремлет бредом
Сжавшись в комочек тень?!

Видит, быть может, ясным небо,
Сказочный видит сон,
Видит голодным горы хлеба —
Принцем из сказки он...
Больше не зябнет дрожью тело
Холод недетских мук
Теплят в забыты так умело
Ласки родимых рук...
Гулок рассветный голос меди:
Страдный забрезжил день...
Чья там на лавке, в смертном бреде,
Смерзла в комочек тень?..

Международные костры.

Местонахождение этих политических костров — на протяжении всего XIX-го столетия и в начале XX-го — было на Ближнем Востоке Европы, иначе — на Балканах. Каждое движение балканских народов — после государств — являлось для европейской политики сигналом тревоги, дипломатических осложнений, причиной вооруженных столкновений. Как известно, даже грандиозный пожар великой войны начался от искры одного из таких балканских костров, вспыхнувшего летом 1914 года.

После великой войны костры Ближнего Востока как будто утратили свое бывшее значение. В глазах широкой европейской публики их ог-

ни стали не такими зловещими, какими были они когда то, и их перестали остерегаться. К сожалению, это — ошибка политической перспективы. Балканские костры ничего не потеряли из своей былой опасности. Они, быть может, стали еще более опасными, чем были, — они — только перестали быть единственными. К северу от них, пронизывая всю континентальную Европу, появились две линии новых политических костров. Одна — от Дуная, через Австрию, Венгрию, Чехословакию и Германию до Данцига; другая — от Черного моря и до Балтийского по черте советских границ с Румынией, Польшей и балтийскими государствами. В зареве этих

телющих линий померкли сравнительно бледные отблески балканских огней.

Вокруг этих новых и старых костров скапливаются противоречивые интересы великих и меньших европейских государств, организуются враждебные силы, создаются союзы и соглашения, необходимые для грядущей европейской борьбы. Кто, с кем, против кого и по каким мотивам?

Балканы. Еще не так давно полуостров этот был ареною ожесточенного соперничества главным образом двух восточно-европейских великих держав: России и Австро-Венгрии, которые пользовались для своих целей антагонизмами балканских государств. Теперь Россия и Австро-Венгрия перестали существовать и их место заняла послевоенная Италия.

Итальянские претензии относительно Балкан имеют вполне отчетливый характер и выражены они в многочисленных речах самого „дуче“ Мусолини. Балканский полуостров необходим Италии для размещения на нем избыточного ее населения, которому стал уже тесен его родной полуостров Аппенинский. Но этого мало. Балканы нужны Италии для ее будущего политического величия, которое итальянский диктатор представляет себе, как повторение исчезнувшего величия древнего Рима. Римским морем должно опять стать море Средиземное, а это может случиться лишь после того, как Балканы в том или ином виде станут итальянскими. Базой для этой экспансии Италии на Балканах является Албания, а линии ее дальнейшего продвижения намечены созданными или предполагаемыми союзами ее с Турцией, Грецией и Болгарией, — государствами изолированными, недовольными своим настоящим положением и ищущими политических друзей, которые им могли бы помочь в будущем.

Но Балканы — не пустое место, и Италия встретила там с решительным противником, — с Югославией. Если бы Югославия была одиночкой, дело могло бы закончиться просто. Италия сильнее ее населением, средствами, армией (количественно) и флотом. Но у Югославии есть испытанный союзник — Франция, которая несомненно сильнее Италии со всеми ее возможными сегодня союзниками. Отсюда — необходимость для Италии искать себе союзников не только на Балканах, но и в центре, на севере и на востоке Европы.

В европейском центре недовольными являются — Австрия и Венгрия, — два осколка исчезнувшего величия дунайской империи. Эти государства не имеют между собой ничего общего, кроме недовольства своим положением. Венгрия, так сказать, ничего не забыла и ничему не научилась. Она осталась королевством, хотя ее легитимный король находится в эмиграции и учится в бельгийском университете. Венгерцы лелеют мечты о восстановлении до-военных границ своего государства, но сил для этого у них нет, армия у них маленькая, технически слабо

оборудованная. Кроме того, для решительного пресечения каких бы то ни было их агрессивных действий, в средней Европе организована так называемая „малая антанта“ из Югославии, Чехословакии и Румынии, из которых каждая значительно сильнее Венгрии. При таких условиях сохранить веру в будущее можно только надеясь на помощь сильного союзника. Италия может казаться таким союзником, и в газетах уже прошел слух о том, что Венгрия состоит членом выдвинутого итальянцами выше упомянутого балканского союза.

В Австрии настроения иные, чем в Венгрии. Австрия — аномалия среди небольших современных государств. Ее столица, Вена, вмещает в себе почти два миллиона населения, а провинции, все вместе взятые, всего — четыре с половиною. Это все равно, как если бы у человека голова равнялась третьей части всего его туловища. Потерявши все свои не-немецкие провинции и ставши из империи демократической республикой, Австрия одновременно с тем утратила всякую охоту существовать в качестве независимого государства. Она — суверенна только потому, что этого от нее требуют военные договоры, созданные в 1919 г. большою Антантою. Почти все политические партии Австрии внесли в свои программы требование о присоединении к Германии; ее новое законодательство скопировано с германского; ее внутренняя политическая жизнь с точностью отражает политические пережитки в Германии, а невозможность слияния с нею является в Австрии одною из главных причин ее внутренней политической неупорядочности, что, в свою очередь, создает некоторую почву для габсбургско-монархических иллюзий, фактически Веною уже изжитых. Для Италии Австрия — союзник, но лишь при условии, что к этому союзу примкнет и Германия.

Современным политическим настроениям в Германии, ее международной политике дана была уже характеристика в предыдущем номере „В. К.“ в статье „Угрозы и ожидания современности.“ Вся страна охвачена безраздельным стремлением к пересмотру Версальского договора, с условиями которого не может примириться германский народ. Пересмотр этот мыслится немцами в двух направлениях — западном и восточном. На западе Германия не стремится к восстановлению былых территориальных границ, за исключением, правда, мелких отрезков, присоединенных к Бельгии. Вместо этого она требует уменьшения или аннулирования так называемых много-миллионных репарационных обязательств, признания за нею права содержать армию и флот, какие она сама признает необходимыми, а также прекращения обязательств о демилитаризации ее пограничных прирейнских провинций. На востоке германские требования — чисто территориальные, и сводятся они, главным образом, к уничтожению так называемого польского коридора, — узкой полосы чисто польской земли над Вислою до Данцига, захваченной немцами в XVIII ст. при разде-

ле Польши и разделяющей две германские провинции — Западную и Восточную Пруссию.

На западе Германия для достижения своих целей войною как будто не грозит, а ищет дипломатических путей; на востоке, повидимому, она готова добиваться своего, не разбираясь в средствах. Опять, казалось бы, дело простое. На востоке от Польши Германия имеет союзника — СССР; вдвоем они могли бы не без надежд обрушиться на Польшу и добиться желанного результата. Но как на Балканах Югославия, так на востоке и Польша — не одинока; за нею стоит все та же Франция, связанная с Польшей политическим и военным союзом.

И Италия и Германия на путях своей международной политики встречают одного и того же противника. Вполне натуральным является для них и мысль о союзе против этого общего противника. Мысль эту итальянский диктатор решил претворить немедленно в дело, поставивши официальной задачей своей международной политики необходимый Германии пересмотр военных договоров, о чем и оповестил весь мир в одной из своих недавних речей.

Оформлен ли уже этот союз официальным договором и соответствующими подписями, или нет, — остается пока тайною Германии и Италии. Но дипломатическое их соглашение является несомненным. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть отчеты заседающей сейчас в Женеве при Лиге Наций комиссии по разоружению. Германская и итальянская делегации в ней ведут одну и ту же последовательную линию, поддерживая одна другую во всех подробностях, при чем итальянской делегации, для осуществления этой взаимной поддержки,

приходится отказываться от своих же собственных предложений, сделанных ею в предшествующих сессиях той же комиссии.

Соглашение и даже союзная общность линий международной политики Германии и Италии — сами по себе, пожалуй, и не повлекли бы за собою назревающего вооруженного конфликта в Европе. Итальянский диктатор, не смотря на пылкость своих речей, человек более или менее осторожный; средним же немцам, которые сейчас стоят во главе Германии, вообще говоря, не так уже свойственны авантюристические увлечения. Но с итало-германскою дружбой тесно связан еще и третий „доброжелатель“ — СССР, государство случайное, типически авантюристическое, которому терять нечего и которое полно „мировых“ аппетитов. У Германии с СССР — давнее соглашение, заключенное в Рапалло, у Италии — недавнее, заключенное этим летом в Риме. В Женеве они, все втроем, действовали заодно, и, как кажется, готовы так же действовать и на всем международном фронте. Этот третий союзник может и хочет нарушить и немецкое равновесие и осторожность итальянского диктатора. Для этого ему стоит лишь раздуть линию костров, тлеющую на советской границе.

Поведение и роль этого „третьего“ — СССР — в будущих международных осложнениях касается непосредственно и судьбы Казачьего Вопроса. Вот почему нас должно интересовать не только внутреннее состояние большевицкого царства, но и его международная игра. И за этой последней мы должны будем следить не менее внимательно, чем за снурсоюзной, „внутренней“ политикой Московского Кремля.

Государственный переворот на Кубани 6-10 (19-23) ноября 1919 года.

— Свою хату мы построим сами, по-казачьи. Кто в этой работе нам поможет, за того мы постоим горою. Но, не дай Бог, если нам кто зло делает, — об этом нужно спросить Деникина. Он знает, как казаки платят за зло. Он еле-еле ноги утащил с Кубани, — а всего то его гнали двое мертвых. Эти двое мертвых оказались сильнее армии Деникина: били ее спереди и сзади. —

Старший урядник Д у х н о й.

(„Вольное Казачество“, № 66, стр. 16).

Размышляя о настоящем положении Кубани — да и вообще всего ядра Казакии, — необходимо чаще и внимательнее присматриваться к событиям, разыгравшимся в Екатеринодаре с 6 по 10 ноября (по ст. ст.) 1919 г. Это — момент временного крушения независимости Кубани, а вместе с нею Дона и Терека по отношению к белой России Деникина. Это, одновременно, и момент крушения противобольшевицкой борьбы „белых“. Сами того не замечая и не понимая и радуясь поэтому, Деникин и Врангель, единодушно поддерживаемые и одобряемые всею консервативно-монархической и либерально-кадетской русской общественностью, событиями 6—10 ноября подрубили сук, на котором си-

дели, погубили и свое дело борьбы с большевиками и широко открыли перед ними двери в Казачьи Земли.

Как только сведения о перевороте на Кубани достигли фронта, кубанцы отказались воевать и ушли домой. Ни приказы, ни разъяснения и агитация, ни репрессии не остановили кубанцев, и они бросили фронт.

Помимо обнажения значительных участков и, так сказать, механического расстройтва фронта, уход кубанцев несомненно подорвал дух у донцов и терцев. А это не могло не подействовать на настроение и добровольцев. Большевики не преминули воспользоваться благоприятной для них обстановкой, усилили свои наступательные действия, и фронт быстро покатился на Юг, сначала к Харькову, а затем и к Ростову.

Деникин, как и Врангель и все их окружение, полагали, что кубанские самостийники — не более, как „демагогические группы Кубанской Законодательной Рады“¹⁾, и пытались убедить себя, что „самостийные течения, не имея глубоких корней в Казачестве и не встречая сочувствия в большей части казачьих частей, не имеют под собою серьезной почвы“²⁾. А между тем, как показали события, последовавшие за переворотом, именно самостийные течения в наибольшей степени отвечали действительным настроениям и стремлениям народных масс Кубани, а самостийные группы

¹⁾ и ²⁾ Ген. Врангель, „Записки“, ч. I, стр. 216.

Законодательной Рады наиболее правильно их отражали. Николай же Степанович Рябовол и Алексей Иванович Кулабухов, которых так яро ненавидели единородимцы всех мастей, были действительными народными трибунами Кубани. Это о них теперь говорит ст. урядник Духной, щира козака душа: „Эти двое мертвых оказались сильнее армии Деникина, — это они били ее потом и спереди и сзади“.

Деникин, тем не менее, был одним из наиболее дальновидных, выдержанных и осторожных деятелей добровольческой армии. Свое истинное отношение к Казачеству он долго и не безуспешно маскировал и окончательную расправу с ним откладывал до занятия Москвы и решительного разгрома большевиков. По его воспоминаниям мы теперь знаем, что, начиная еще с Мечетинской, примерно с мая 1918 г., ближайшие помощники и советники толкали его и Алексея на насильственную расправу с Законодательной Радой и правительством. Тогда он не пошел на такое „откровенно-неосторожное“ отношение к Казачеству, так как видел, что это могло привести Кубань к тесному союзу с Доном Краснова и с немцами и, следовательно, и гибели добровольческой армии. Однако, под влиянием все усиливавшейся (по мере продвижения в глубь России) интриги правых русских кругов, возглавлявшихся Кривошеинным и выдвигавших в противовес ему Врангеля, Деникин не остался последовательным до конца и пошел на риск. Но не прошло и месяца после переворота, как он воочию убедился, что этим шагом он окончательно и бесповоротно погубил и свое дело борьбы с большевиками. Молча, закусив губы, он вынужден был согласиться потом не только с восстановлением Кубанской Конституции и с выбором явно, с его точки зрения, враждебного к нему Атамана Букретьова, но и на со-здание Верховного Круга Дона, Кубани и Терека и на организацию такого „южно-русского“ правительства, с каким ранее он не согласился бы ни в каком случае. Более того, — он вынужден был согласиться даже на создание Кубанской армии, против чего он боролся всеми средствами в течение почти двух лет.

Но все это было слишком поздно. Рыдовая кубанская масса не верила ни Деникину, ни даже тем из кубанцев, кого подозревала в симпатиях к нему, и на фронт не пошла.

Поводом для переворота послужило, как известно, подписание кубанской делегацией в Париже договора дружбы с горскими народами Кавказа. 25 октября 1919 г. Деникин по телеграфу разослал свой провокационный приказ, нагло и грубо нарушавший компетенцию Кубанской власти:

„В июле текущего года между правительством Кубани и меджлисом горских народов заключен договор, в основу которого положена измена России и передача кубанских казачьих войск Северного Кавказа в распоряжение меджлиса, чем обрекается на гибель Терское Войско... Приказываю при появлении этих лиц (подписавших договор. Ред.) на территории вооруж. сил Юга России немедленно предать их военно-полевому суду за измену.“

Делегация в Париж была послана Краевой Радой и правительством. На основании данных ей полномочий она могла подписывать договоры не только с меджлисом горских народов, но и с любым из государств Европы. Подписание всякого такого договора кубанской делегацией, как и всякой иной дипломатической делегацией какого либо государства, являлось, на основании Кубанской Конституции, предварительным, и самый договор мог принять силу международного обя-

зательства лишь после ратификации его, т. е. утверждения Краевой Радой. Единственным практически последствием подписанного договора до утверждения его Радой могло быть лишь совместное выступление перед мирной конференцией делегаций Кубани и горцев и, так сказать, демонстрация общности интересов обоих народов. Никакой, следовательно, „измены“ наша делегация не имела возможности совершить, если бы даже и хотела того, ибо Рада могла просто не утвердить представленный ей договор или изменить, если бы в нем оказался какой-нибудь недостаток. Словом, утверждать или отвергать, исправлять или дополнять этот договор, благодарить или порицать за него кубанскую делегацию могла только Кубанская Краевая Рада и никто больше. Деникин же со своей добровольческой армией и особым совещанием, бывший таким же союзником кубанского правительства, как и меджлис горцев, являлся в данном случае, так сказать, пятым колесом у веза.

Это сразу же стало ясно даже Врангелю, на которого было возложено руководство переворотом, но для которого тем не менее телеграмма Деникина явилась неожиданностью, „совершенно спутывая — по его словам — все мои карты“³⁾. „Приказ об аресте его (А. И. Кулабухова. Ред.)“, — говорит Врангель, — в Екатеринодаре мог быть выполнен лишь распоряжением местной Краевой власти, согласия на каковой у ген. Деникина быть не могло. Было совершенно ясно, что конфликт между главным командованием и Кубанской Краевой Радой на этой почве неизбежен“.

Но это именно и нужно было Деникину. Без такого конфликта Деникин не мог применить вооруженной силы. Он лучше, чем Врангель, был осведомлен о соотношении сил в Раде и о действительном настроении и отношении к нему подавляющего большинства ее, и потому не верил, вопреки Врангелю, что Рада добровольно пойдет на желательное ему изменение конституции. Поэтому то он и прибег, с одной стороны, к наглости, которая должна была возмутить Раду и сделать конфликт неизбежным, а с другой — к провокации, которая должна была насторожить и оттолкнуть от Кубани Терек, а может быть и Дон.

Словом, подписание договора было только поводом, предлогом. Действительные же причины для столкновения белой России с Казачеством и в частности с Кубанью лежали гораздо глубже. В общем они заключались в том же, в чем они состояли у Дона при Петре I. Россия стремилась превратить Казачество в орудие для достижения своих целей, шедших вразрез с действительными жизненными интересами Казачества.

Тогда, до 1919 г., мы верили, что Россия найдет в себе столько благоразумия, чтобы превратиться в федеративную республику, и мы были только федералистами-республиканцами. За это нас прозвали самостийниками, сепаратистами, третировали предателями и изменниками „родины“. За это нас убивали из-за угла, громили Раду, вешали, высылали за границу. А мы были виноваты лишь в том, что именно любили нашу Родину и стояли на тех постах, на которые поставил нас наш народ, так же твердо и до конца, не останавливаясь ни перед предательской пулей, ни перед виселицей, как и наши братья в боях на фронте.

Но оказалось, что мы верили в пустое место. И поняв это, на горьком, кровавом опыте убедившись, что всякая Россия ни о какой федерации и не думает и разговоры об этом заводит лишь для того, чтобы „малые“ народы не использовали благоприятную обстановку для

³⁾ и ⁴⁾ Ген. Врангель, „Записки“, ч I, стр. 226.

... „Спрашивается, был ли Дон государством или провинцией Московского государства? На этот вопрос нужно ответить: безусловно, на Дону существовала своя собственная государственная власть, и с 1549 по 1721 год Дон был государством, а не провинцией. Государственная власть на Дону имела источником народную волю... Суверенная власть принадлежала общему народному собранию, носившему название Круга или Войскового Круга“...

(Сватиков, „Россия и Дон“, стр. 33).

создания гарантирующих условий, т. е. до поры до времени только „маневрирует“, — поняв что Россия при всяких условиях стремится лишь к бесконтрольной эксплуатации наших Земель и нашего народа, как это с таким успехом делают большевики, мы стали действительно самостоятельными, сепаратистами, отпадчиками. А оглянувшись на свободу по сторонам и во времени, присмотревшись внимательнее к нашей истории, мы увидели, что никакой Америки этим самым мы не открыли, что неожиданно мы оказались на тех же позициях, на которых стояло Казачество времен Сирка и Булавина.

С другой стороны, к столкновению Рады и Деникина вели причины и иного порядка, причины социального характера. Вокруг Деникина, вокруг командования и направления всей деятельности добровольческой армии сосредоточивалась вся старая Россия, свергнутая не только большевицко-октябрьской, но и февральской революцией. Это было все то, что веками росло и воспитывалось на почве старого самодержавно-крепостнического Московского царства. Вокруг Деникина собирались все те, кто считал себя „солью земли русской“, хозяевами России, которые никак не могли примириться с тем, чтобы рабски бесправное и нищее русское крестьянство могло стать хозяином своей судьбы и возратить себе землю, отнятую у него дворянством. Вокруг Деникина сосредоточивались люди, которые считали себя в праве требовать с крестьян даже арендную плату или отбирать треть урожая за пользование при большевиках „нашей“ землей. Деникин охотно шел навстречу „законным требованиям владельцев земли“, учредил „государственную стражу“, щедрой рукой насаждал урядников, приставов, земских начальников. Казачество же, восстанавливая свое „право древней обыкновенности“, с корнем вырывало все извращения, внесенные в его жизнь за время его подневольного существования под опекой самодержавно-крепостнической Москвы. Мы не только восстановили полновластную Радую и свободную выборность Войскового Атамана. Свободную выборность мы проводили сверху донизу во всей нашей общественно-политической и хозяйственной жизни. Несвойственное и противное нашему пониманию общественно-экономических отношений частное владение землею было уничтожено первою же Радой. У нас не было ни лучших, ни худших, ни „соли земли“, ни „быдла“, у нас все были равны в возможностях своих достижений и на хозяйственном и на общественном поприщах. Вполне естественно, что мы сочувственно относились к тому, чтобы русский крестьянин занял в своем государстве положение, соответствующее его фактическому значению в нем. Но мы полагали вместе с тем, что всякий народ волен устраивать свою судьбу так, как сам он то считает за лучшее.

Само собою разумеется, что особое совещание и все направляющее окружение Деникина ни на минуту не сомневалось в искренних „симпатиях“ к нему русского крестьянства и ни в какой мере не рассчитывало на то, что оно поможет ему отнять у... себя же землю для помещиков. Сами же они с „разбушевавшейся крестьянской стихией“, разумеется, не могли справиться: они ведь привыкли только управлять и командовать. Осуществить свои стремления они могли, по их мнению, только с помощью посторонней, внешней силы. Таковою, в их глазах, представлялось Казачество, — стояло только его прибрать к рукам, до поры до времени не трогая тех порядков, которые оно устраивало для себя и которыми дорожило. Словом, из русского огня для русских лжоря и помещиков Деникин хотел выхватывать каштаны руками Казачества. В этом состояла суть всей добровольческой политики по отношению к Казачеству.

Понимая истинные стремления добровольческой армии и желая предотвратить для Кубани возможность попасть в положение такого орудия в руках Деникина, Кубанская Рада еще в ноябре 1918 г. категорически требовала от своего Атамана немедленно приступить к выделению и организации собственной армии, подчиненной Атану, хотя и без нарушения единства общего командования всеми вооруженными силами Юга. Деникин также прекрасно понимал, что при таких усло-

виях он будет лишен возможности достижения своих пока скрываемых политических целей.

Деникин стал прилагать все усилия к тому, чтобы и изнутри помешать осуществлению постановления Рады об организации Кубанской армии. Для Рады скоро стало ясным, что Войсковой Атаман и правительство делали все, что было в их власти, чтобы помешать и не допустить организацию Кубанской армии.

Становилось ясным, что Кубанское казачество руками Кубанского Атамана и его ближайших помощников отдается в полное и бесконтрольное распоряжение Деникина для войны не с большевиками только, но и против русского крестьянства за интересы белой России, за интересы бывших помещиков, бывших губернаторов, статс-секретарей, наместников и пр., за „священное“ право собственности на землю ее „законных“ владельцев, за выколачивание с крестьян арендной платы и трети урожая, за станowych и земских начальников для них. Такая война неизбежно должна была привести только к одному результату: к полному уничтожению всего боеспособного населения Казачьих Земель и в конечном счете к поражению.

Перед теми, кто понимал истинное положение и намечающиеся перспективы будущего, вставал мучительный вопрос: что же делать и как делать? Прекратить борьбу против вождельний Деникина в отношении Казачества? Но это значило бы — сознательно принять участие в подготовке физического истребления Казачества и при том во имя целей, совершенно чуждых Казачеству и заведомо недостижимых. Борьбу против попользований Деникина надо было продолжать. Но первым необходимым и наиболее важным условием для этого было создание своей армии, той реальной силы, опираясь на которую можно было убедить Деникина отказаться от видов на Казачество и, может быть, изменить свою противокрестьянскую политику. А против этого действовал сам Кубанский Атаман и при том скрытно, тайно, маскируя свои стремления всяческими доводами и независимыми обстоятельствами. Действовать открыто он не мог, так как требование Краевой Рады было категорически ясным и так как настроения фронтовых частей было явно в пользу организации Кубанской армии.

Ситуация, создававшаяся в результате действий Атамана со своим помощником и стоявшего у них за спиной Деникина, была такова к началу весны 1919 г., что только революционным способом борьбы самостоятели могли вернуть себе положение, соответствовавшее их действительному значению на Кубани и соотношению сил в Раде.

Так и стоял вопрос на совещаниях группы членов Законодательной Рады „федералистов-республиканцев“: в борьбе за Кубанскую армию революционные или парламентарные только способы применять?

Почти без всяких споров группа единодушно приняла решение и дальнейшую борьбу вести только парламентарными способами. Исходили при этом из того убеждения, что всякое революционное потрясение внутри неизбежно вызовет крушение фронта и, следовательно, захват наших территорий большевиками. „Мы не можем — говорилось тогда — брать на себя ответственность за новый приход большевиков на Кубань, поэтому и борьбу мы должны вести только парламентскими способами“. Полагали, что и Деникин не может иначе оценивать обстановку и до Москвы во всяком случае не решится на насильственный переворот. К тому же времени „мы сможем и законным путем устранить тех, кто противодействует решению Краевой Рады, и свою армию создадим. Имея же Атамана, стоящего на страже интересов Казачества, и свою армию, мы в любой момент сможем прекратить борьбу за чуждые нам интересы“.

Располагая значительным большинством в Законодательной Раде, самостоятели вскоре же добились того, что Рада выразила недоверие правительству Сушкова и оно должно было уйти в отставку. Атамана же могла устранить только Краевая Рада, что было возможно лишь не ранее осени.

Заметив активность со стороны самостоятников, стан белой России решил воздействовать на них пу-

тем террора. 27-го (14) июня в Ростове был убит Н. С. Рябовол. Террор, однако, не испугал самостийников и привел к тому, что их престиж еще более укрепился в массе Казачества, которое в момент после убийства Н. С. Рябовола пришло в состояние такого возбуждения и ненависти к добровольцам, что готово было на какие угодно революционные действия. Стоя на основе принятого общего тактического решения, самостийники не только не использовали благоприятной для них революционной ситуации, а наоборот — принимали все меры к тому, чтобы потушить законное и естественное возмущение станиц.

К осени самостийники стали готовиться к тому, чтобы свергнуть Атамана Филимонова и заменить его сторонником самостийной идеологии и, следовательно, сторонником немедленной организации армии.

Деникин же, подталкиваемый своими нетерпеливыми советниками и главным образом под влиянием создавшейся против него реакционно-монархической оппозиции, возглавлявшейся „статс-секретарем“ Кривошеинным и выдвигавшей на место Деникина Врангеля, решил, что настало время открыть свое настоящее лицо по отношению к Казачеству и „раз навсегда покончить со всякими „самостийностями“, „автономиями“ и прочими сепаратистическими стремлениями казаков“. Он решил идти на вооруженный переворот и также приурочивал его к осенней сессии Краевой Рады.

Подготовка к событиям началась еще с лета через штаб Врангеля. Кавказская армия, находившаяся под командованием Врангеля, состояла в подавляющем большинстве из кубанских войсковых частей. Их то и стали приучать к мысли о необходимости радикального изменения порядков на Кубани. Забирая на Кубани хлеб и почти все необходимое для снабжения всех вооруженных сил Юга, главное командование отлично снабжало добровольческие части, а избыток хлеба, масла, табаку, взятых на военные нужды, через спекулянтов сплавляло за границу, оставляя голодными и раздетыми наши части. На естественное возмущение казаков отвечали, что все это по вине „политиканов-самостийников в Законодательной Раде, которые мешают Атаману снабжать свои же части“. Казачьи, а тем более самостийные газеты не допускались до фронтовых частей и конфисковались по дороге. О положении дел на Кубани казаки и офицеры могли получать сведения только из осважной прессы, которая всячески поносила и клеветала на Законодательную Раду и самостийников. „Опасность“ для правдивой информации фронтовых частей о положении дома представляли пополнения, о которых, характеризуя состояние частей перед отправкой в Пашковскую, Врангель говорит в своих „Записках“: „Ныне эти шкурники и грабители в виде пополнений вновь вернулись в части и вернулись развращенными теми, в чьих задачах разложить и ослабить армию. Усилия „самостийников“ за последнее время направлялись на наиболее стойкие отделы — линейцев, и пополнения из этих отделов наиболее развращены“. ¹⁾ Конечно, разговор о самостийниках здесь — сказка, так как специальной агитации, кроме докладов членов Рады после сессий, не велось самостийниками ни в черноморских, ни в линейских отделах.

Созыв Краевой Рады был назначен на 24 октября. В первых же числах октября Деникин и Врангель условились, „воспользовавшись затишьем на фронте, отправить в Екатеринодар, под предлогом укомплектования и отдыха, некоторое число моих частей“. ²⁾

9 октября Врангелем совместно с членом особого совещания проф. Соколовым был разработан проект изменения Кубанской конституции, сущность которого сводилась к следующему: „Законодательная Рада упраздняется, и вся полнота власти осуществляется Войсковым Атаманом и назначаемым им правительством; Краевая Рада созывается Атаманом не менее раза в год; созыв по заявлению определенного числа с а мой Рады отменяется; проект отвергает необходимость создания отдельной Кубан-

ской армии“. ³⁾ При этом конечно, само собою разумелось, что Атаманом будет „свой“ человек.

11 октября Врангель уже в Екатеринодаре, где этот проект окончательно одобряется и намечается план действий, по которому „предполагалось, что немедленно по открытии заседаний Краевой Рады... группой лабінцев (членов Рады) будет внесен (этот) проект нового положения об управлении Краем“. Предполагалось, что угроза военного переворота подействует на настроение Рады и лабінцам удастся собрать соответствующее большинство для принятия внесенного ими проекта. Однако, приказ Деникина от 24 октября о предании военно-полевому суду А. И. Кулабухова и др. „спутал все мои карты“, и Врангель решил, что дальше действовать можно только вооруженной силой.

Само собою разумеется, что самостийная часть Рады совершенно не знала о том, что намечалось в стане врагов, и продолжала готовить почву только для замены на предстоящей сессии Филимонова другим, более отвечающим интересам Кубани кандидатом.

Первые подозрения относительно намерения противника появились лишь с прибытием в ст. Пашковскую бригады Буряка яко бы „для отдыха и пополнения“ и назначения Покровского Начальником тылового района Кавказской армии. Надлежащих твердых выводов из этих, как теперь кажется, ясных признаков не было сделано даже и после появления приказа Деникина. Даже и после того, как в руки одного из самостийных членов Рады попал документ, список 40 членов Рады, которых сообрались арестовать, самостийники не пересмотрели вопроса об основных способах ведения борьбы и продолжали оставаться на позиции, принятой в самом начале весны, т. е. продолжали считать, что борьба должна вестись только законными, а не революционными способами.

Как совершенно естественно и должно было быть, Краевая Рада с негодованием отвергла требование Деникина о выдаче А. И. Кулабухова. Даже Атаман Филимонов вынужден был протестовать против такого требования Деникина и его покушения на компетенцию Кубанской власти.

В ответ на это 5 ноября Покровский пред'являет Атаману ультиматум о выдаче не только Кулабухова, но и других лидеров самостийного течения.

К 12 час. дня 6 ноября совещание членов Рады — линейцев во дворце Кубанского Войскового Атамана „признало необходимым выдать мне Кулабухова (заманутого Атаманом еще с утра во дворец под предлогом совещания, ред.), которого я арестовал и отправил к себе на квартиру. Тут же совещание по вопросу выполнения второго моего требования — выдачи мне лидеров самостийников — постановило ехать в Раду и требовать от них сдачи мне...“) К 5 часам вечера было арестовано еще 12 членов Рады.

В 4 ч. утра 7 ноября А. И. Кулабухов был повешен в полном казачьем костюме на крепостной площади у изголовья могилы Н. С. Рябовола. Тело продолжало оставаться на виселице до вечера, после чего было вывезено и зарыто на свалочном месте за городом, около кожевенных заводов.

3 ноября краевая Рада изменила Конституцию в духе Врангелевского проекта и казнь 12 была заменена высылкой их в Константинополь. Филимонову же „посоветовали“ отказаться от булавы, что он и вынужден был сделать 10 ноября.

Вести о событиях 6-10 ноября в Екатеринодаре быстро полетели во все стороны. Не могли они, разумеется, не дойти и до фронта, и до большевиков, производя диаметрально противоположное действие. У кубанцев — фронтовиков они выбивали почву из-под ног, уничтожали самый смысл борьбы. Большевики же торжествовали, ибо не могли не предвидеть упадка духа у Казачества. „Победою“ над Радой Деникин возвратил большевикам все свои предыдущие победы над ними с присоединением всех возможностей для своего поражения в будущем.

¹⁾ То же, стр. 219.

²⁾ Из рапорта Покровского Врангелю. „Записки“, ч. I, стр. 232.

³⁾ Ч. I, стр. 224.

⁴⁾ То же, стр. 216.

И большевизм командование не замедлило сейчас же произвести поверку состояния противника. Не успел Врангель приехать в Таганрог, чтобы сделать подробный доклад Деникину о победе над самостийной Радой, как „утром 11 ноября я получил донесение ген. Шатилова о переходе противника в наступление против наших частей на левом берегу Волги“. А еще раньше этого определилось наступление большевиков и на стыке между добровольческой и Донской армиями. Результат известен: кубанцы воевать не хотели больше, надломился дух и у донцов, и фронт покатился на юг.

Через месяц Деникин готов был чуть не подталкивать кубанцев, чтобы они и Конституцию восстановили прежнюю, и Атамана себе избирали, какого хотели, и даже армию свою создавали. Кубанская же масса отвечала на все призывы идти на фронт: „Верните нам Кулабухова!“

Добровольцы пытались убедить себя и других, что „самостийники не имеют глубоких корней в массе Казачества.“ Действительность же показала, что корни самостийности лежат в толще казачьей массы глубже, чем думали даже сами самостийники.

Страницы казачьей истории.

Иван Дмитриевич Сирко.

Иван Дмитриевич Сирко ¹⁾ представлял собою колоссальную личность среди всех низовых казаков и во все время исторического существования Запорожья. Он был родом из Мерефы, казацкой слободы слободской Украины, теперешней Харьковской губернии... Но в каком году родился Сирко, кто были его родители, скольких лет он выступил на историческом поприще — все это остается для нас совершенно неизвестным. Известно лишь, что на родине, в слободе Мерефе, у Сирка были дома, мельница и другое имущество; была жена по имени София, два зятя и, по народной думе, два сына. Наконец, доподлинно известно, что Сирко был человек неграмотный.

И свои и чужие, и друзья и недруги — все отзывались о Сирке, как о человеке замечательных военных дарований. Польский король Ян III Собеский писал о нем: „Сирко — воин славный и в ратном деле большой промышленник“. Украинские летописцы, — Самовидец, Грабянка, Величко, — называют его великим ватагом, славным кошевым атаманом, а малороссийские историки приравнивают его к Чингизхану и Тамерлану. Татары называли Сирка урус-шайтаном... Турецкий султан, постоянно тревожимый то набегами Сирка в Крым, то выходами его в Черное море, издал, как говорят, фирман молиться в мечетях о гибели Сирка... —

— Проводя ²⁾ всю свою жизнь на войне, Сирко вместе с тем отличался великодушием и редким бескорыстием, и потому никогда не преследовал слабого врага, а после войны никогда не брал на себя военной добычи. На войне он был беззаветно храбр и удивительно изобретателен: он умел с десятками казаков разбивать сотни врагов, а с сотнями молодых побеждать тысячи неприятелей. Имя его, как предводителя, окружено было ореолом полной непобедимости, и потому враги боялись его пуше огня, пуше бури, пуше язвы моровой. Горше всех досталось от Сирка врагам Христовой веры: мусульман Сирко ненавидел всею своею казацкою душой и всем своим широким козацким сердцем...

И по характеру, и по всем своим действиям Сирко представлял собою тип истого запорожца. Он был храбр, отважен и страстен, не всегда постоянен, не всегда верен своим союзникам... То он был на стороне московского царя, то на стороне польского короля, то он поддерживал Дорошенка, то становился на сторону его врагов Суховия и Ханенка, то выступал против последних двух и снова защищал Дорошенка, то помогал он русскому царю против турецкого султана и крымского хана, то шел против царя заодно с султаном и крымским ханом. „Нужда закон змїняє“ — часто говорил Сирко и, очевидно, действовал соответственно своей любимой пословице.

Само собою разумеется, что на переходы Сирка от русского царя к польскому королю и обратно — от польского короля к русскому царю нельзя смотреть, как на измену одному и верность другому: Сирко и

все запорожское казачество хотя и признавали над собою протекцию русского царя со времени Богдана Хмельницкого, но все еще, по старой традиции, считали себя людьми вольными и ни от кого независимыми, — людьми, которые считали за собою право решать вопросы о мире и розмьре с соседними царствами и входить в сношения с близкими и дальними царями и властелинами.

По всему этому Сирко был типичнейшей личностью, воплощавшей в себе характернейшие черты и особенности тех, кто именовал себя запорожскими казаками, славными низовыми „лыцарями“.

Оттого запорожцы и любили Сирка: 8 лет под ряд (да раз 7 с перерывами) они выбирали его своим кошевым атаманом... Запорожцы говорили, что равного Сирку в целом мире не было... —

— Сколько ³⁾ известно из документальных данных, Сирко впервые выступил на историческую сцену сперва в звании полковника и кошевого запорожских казаков, и с тех пор в течение 26 лет, с 1654 по 1680, фигурировал между запорожскими и украинскими казаками, составляя, так сказать, главный фокус своего времени во всем Запорожье и в целой Украине. В качестве кошевого Сирко сносился с русским царем, польским королем, турецким султаном (знаменитое, по преданию, письмо султану, по которому Репин потом написал свою картину), крымским ханом и молдавским господарем и нередко завязывал в Сичи такие узлы событий, которые потом приходилось развязывать в Москве, в Варшаве, в Бахчисарае и Константинополе.

Сражаясь то с татарами и турками, то с поляками и волохами, то с русскими и украинцами, Сирко за все время своей исторической жизни принимал участие в 55 битвах и везде, кроме единственного случая, выходил победителем, не считая множества мелких стычек и отдельных схваток...

Вся деятельность Сирка совпала с самым тяжелым для Украины временем, когда она, отторгнувшись от Польши и не успев еще слиться с Россией, находилась в „шатании“, не зная, куда ей „прихилить“ свою голову, т. е. оставаться ли ей с Россией, сойтись ли снова с Польшей, или же идти к турецкому султану, неверному царю. —

— Того ж лета 1680, — говорит летописец Величко ⁴⁾ — августа 1 числа, представился от жизни сей, через некоторое время после болезни, в Грушевке (в 10 в. от Чортомлыцкой Сичи — Ф. В.), на пасеке своей, славный кошевой атаман, Иван Сирко. Хоронили его 2 авг. в поле за Сичью, где погребалось и другое запорожское товариство, честно всем войском низовым запорожским со многуо арматною и мушкетною стрельбою и с великою от всего низового войска жалостию...

— Когда ⁵⁾ через 20 л. после смерти Сирка запорожцы отложились от русского царя и перешли на сторону шведского короля и когда русский царь одержал победу над всеми своими врагами, а в числе их и над войском запорожских казаков, то он приказал всю Сичь, прославленную именем Сирка, до основания раскопать и все могилы ее с землею сравнять. Русские

¹⁾ Д. И. Эварницкий. История Запорожских казаков, т. II, стр. 302; Петербург, 1895 г.

²⁾ То же, стр. 305.

³⁾ То же, стр. 306.

⁴⁾ То же, стр. 573.

⁵⁾ То же, стр. 580.

войска, посланные в Чортотмыцкую Сичь и встретившие здесь упорное сопротивление со стороны казаков, до того в своем ожесточении дошли, что, по свидетельству современников, раскапывали могилы мертвецов и выбрасывали погребенных в них казаков. Поэтому трудно допустить, чтобы в это время уцелел памятник Сирка; напротив того, нужно думать, что он один из первых был разбит... Потом, когда запорожцы вновь возвратились на свое гнездо, они могли соорудить Сирку новый памятник... —

Сирко, *) как самый дальновидный из своих современников человек и как человек, взлелеянный на свободе, любивший свободу выше собственной жизни, политическим идеалом своим считал полную независимость и полную неприкосновенность Запорожья, и в этом смысле действовал всю свою жизнь. Он рубил своей саблей на все четыре стороны, как сказочный богатырь, защищая рыцарскую честь, православную веру и полную независимость, действуя против всех, кто выступал врагом свободы, и за всех, кто стремился к ней. Оттого мы и видим Сирка почти одновременно сражающимся и против короля, и за короля, действующим и в пользу царя, и во вред его, воюющим и против мусульман, и иногда и заодно с мусульманами. В этом нет ни верности кому бы то ни было, ни измены, а есть только страстное желание сохранить политическую независимость украинского и запорожского народа. Исходя из этой точки зрения, едва ли можно заподозрить показания войскового пи-

сая Быховца относительно замыслов Сирка в последние годы его жизни: Сирко действительно мог прийти к мысли об отторжении Украины от Москвы с целью обеспечения малороссийского и запорожского края в отношении его политической независимости. Повидимому, он ясно прозревал в то, к чему должна была привести протекция Москвы над Запорожьем, и бросался из стороны в сторону с тем, чтобы навсегда обеспечить независимость Запорожья. Сирко не жил минутой, а своим орлиным взором смотрел далеко вперед и потому, не всегда понимаемый молодым поколением, говорил: „Слушайте меня, детки, я старый человек и знаю, что делать“. Однако, масса запорожского казачества не задавалась вопросами далекого будущего и чаще всего не шла дальше того, чтобы получить от Москвы побольше подарков и выражала свою независимость от нее криками по адресу Москвы на раде или погромом московских послов и торговых людей в степи... —

— Со смертью Сирка *) слава низовых казаков надолго померкла, и запорожцы уже не играли никогда такой выдающейся роли... какую они играли при своем знаменитом кошевом. В Сичи выступали другие вожаки, менее сильные и менее предприимчивые, чем Сирко. Зато на Украине и в Москве явились выдающиеся деятели, каковы — гетман Иван Мазепа и в особенности царь Петр I. Мазепу запорожцы ставили в ряды с Богданом Хмельницким и сложили на этот счет поговорку: „От Богдана до Ивана не було гетьмана...“ (Выборки из „Истории Запорожских казаков“ Д. Н. Эварниченко).

*) То же, стр. 578.

*) То же, стр. 581.

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

Часть военная (дисциплина).

(Продолжение).

В общем, как видно из изложенного в предыдущих номерах журнала, дисциплина среди казаков, т. е. исполнение служебных приказов и распоряжений, имеющих значение для боевой службы, стояла очень, очень высоко, но к чинопочитанию, которое в армии считалось нераздельным с дисциплиной, казаки относились очень легко. Даже после сравнения казачьих офицерских чинов с армейскими, дело в этом отношении мало подвинулось вперед. Ему мало придавали значения даже в атаманство Завадовского. Самые рассказы и анекдоты, приведенные для примера, имевшие более школьный характер протеста, показывают, насколько „легко“ и иронически относились казаки к этим требованиям начальства. Так продолжалось дело пока не появились на сцене „паничі“, выступившие проводниками армейских требований.

Казачество всегда высоко ценило просвещение и заботилось о нем. Когда была открыта Черноморская войсковая гимназия, то для удобства казаков, не живших в Екатеринодаре, где она находилась, при ней был открыт интернат, наименованный „благородным пансионом Черноморской войсковой гимназии“, в который могли попасть только дети офицеров и чиновников. В пансионе был введен порядок корпусов для „обуздания“,

якобы, вольнолюбивой детворы и воспитания их „в духе благородства и военных доблестей“. Подробно об этом будет изложено ниже. Здесь же упомяну только о том, что намерение это оказалось не достигающим целей и заглохло само собой, так что в 60-х годах прошлого столетия, когда я находился в этом пансионе, оно было воспоминанием, как о „предании старины глубокой“. Мечта иметь „доморощенный рассадник знаний“ рухнула сама собой... Для культивирования этого особого „фрукта“ при русских кадетских корпусах учреждались особые войсковые стипендии, вместо того, чтобы расширять и улучшать свою собственную гимназию.

9—10 лет дети отдавались в корпуса, где и оставались безвыездно до окончания курса, теряя всякую связь не только с Казачеством, но и с семьей. Возвращались они в Войско офицерами, совершенно чуждыми Казачеству, а некоторые даже и совсем не возвращались, предпочитая служить в армии, оставаясь таким образом, совсем потерянными для Войска. Может быть это и лучше было для Казачества, так как возвращаясь офицерами, они вносили в его среду совсем чуждый взгляд и на службу, и вообще на жизнь Казачества.

Таким образом эти „паничі“, как их называли ка-

Войско Донское представляло из себя в XVI—XVII в. в. военно-демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от Московского царства, государством, имела свою территорию, свой народ и свою власть. Территория Войска Донского определилась уже в самом начале его существования. Это был бассейн реки Дона, кроме его верховьев, и бассейны рек — Бузулука, Хопра, Медведицы и Донца. Исторические изменения в границах Войска были сравнительно незначительны.

С. Г. Сватиков. „Россия и Дон“, стр. 16.

заки, являлись прекрасными проводниками идей общеармейских, дележких от таковых Казачества, которое вообще нелюбило вторжения в свою среду пограничного элемента, в том числе и этих „паничей“; их они называли „перевертышами“.

Были, конечно, и среди этих „паничей“ натуры особенно стойкие, в которых крепко держалось впечатление детства и влияние родственников, особенно если последние отличались приверженностью к Казачеству, „добрые казаки“, любящие свою среду и впоследствии горячо отстаивающие интересы Казачества. Были и такие, которые представляли собою, что называется „ни рыба, ни мясо“ и мирились со всем, руководствуясь посылкой: „С волками жить, по волчьи выть“. Если такие попадали в среду крепкого казачества, они являлись такими же истыми казаками; если судьба бросит их под начальство, которое было предано армейским требованиям, то и они являлись яркими проводниками этих требований.

Но были и такие, которые, попав в корпус, с увлечением предавались всем тонкостям его выучки и с фанатизмом старались проводить их в жизнь. Это был самый вредный элемент казачьего офицерства. Принимая во внимание не слишком уж высокую степень образования, даваемого кадетскими корпусами вообще, они не могли развиться настолько, чтобы понять суть Казачества. Их односторонне развитый ум заставлял их придавать большое значение тем внешним признакам, которые считались необходимым условием хорошей дисциплины. Твердо усвоив афоризм, что в военной службе нет мелочей, ибо вся она состоит из мелочей, они не замечали его парадоксальности и не упускали случая показать это на деле. Это были приближенные к тем, которых казаки характеризовали одним словом: „сипа“, первоначально относившимся только к армейским офицерам... Это у них сложилось понятие, что нижний чин „собака, цина тому — кабака“ (нюхательный табак) и этой кабаке действительно приходилось жутко от них. Да и не только „кабаке“, а часто и в семье они являлись чистым наказанием Божиим, требуя порядка и жизни в ней по „благородному“. С этим вопросом нам придется еще встретиться.

К счастью для Казачества, особенно фанатичные из этих „паничей“ — выходили из корпусов в армию и их все таки было немного в Войске. Те же, которые оставались в Войске, находили особенную поддержку и покровительство наказных агаманов, не принадлежащих к казачьему „сословию“. Благодаря этому обстоятельству, дело внедрения в казачьих частях „дисциплины“ в объеме армейского устава пошло более ходко, особенно после окончания Кавказской войны и различных реформирований казачьих строевых частей.

Были уничтожены номерные конные полки и получили название по районам комплектования; пехотные батальоны названы пластунскими, а самые пластунские уничтожены. И казачьи части зажили уже армейской жизнью, со всеми прелестями армейской выучки и субординации. Если в них и сохранились еще кое-какие казачьи традиции, то благодаря поддержке их в этом отношении офицеров — природных казаков, получивших образование не в корпусах, а в своих учебных заведениях — особенно в Ставропольском казачьем юнкерском училище.

Трудно было этим последним противостоять общему течению, систематически направляемому высшим начальством к нарушению единства среди казаков. Увеличению этой трудности способствовало и то обстоятельство, что с течением времени в среде казачьих офицеров начали просачиваться и армейские, не принадлежавшие к казачьему „сословию“, офицеры, ничего общего не имевшие с казаками. Эти шли уже, что называется „в чужой монастырь со своим уставом“. Опираясь на свой авторитет, который, к слову сказать, существовал только в их воображении, и на покровительство высшего начальства в Войске, которое видело в них настоящих проводников армейских взглядов на службу и твердо старалось внедрить их в среду Казачества. Между тем, в казачьи части шел далеко не лучший элемент русского офицерства. Сюда шло все то, что считалось почему-либо неудобным иметь в регулярных полках,

или же искатели „свободы и вольности“, которые, по их понятиям, закладывались в разгулах и в свободном отношении к служебным обязанностям, или просто в пренебрежении ими. Особенно много этого пришлого элемента было в пластунских батальонах, где чувствовался особенно недостаток в офицерах, вследствие того, что казаки предпочитали службу в конных частях.

В конце концов дело свелось к тому, с чего и началось: обвиняли казачью старшину в том, что она „даже пьянствует с рядовыми казаками“. То же совместное пьянство получилось и тут, много позже, спустя 50—60 лет после этих жалоб. Была, однако, разница между прежним и теперешним пьянством. Тогда эти старшины не были, собственно говоря, офицерами; они делили чарку со своими младшими товарищами, когда этому представлялся случай и охота с обеих сторон; теперь же было иначе: „Веселитесь, ребята!“ не потому — весело-ли вам или нет, а потому, что „веселой наш командир“!.. А этот „веселой командир“ не считался ни с временем суток, ни с усталостью казаков ежедневной работой, а, загуляв, среди ночи вызывал песенников, которые с просонков веселили его иногда до рассвета. В лучшем случае угостит и их водкой, этот „веселой командир“, в худшем — обойдется и так. Чем не дисциплина? Это она требует „беспрекословного исполнения всякого приказа начальства“, так как в этом приказании нет случая „упомянутого в своде военных постановлений“, даже и по толкованию генерала Драгомирова это допустимо, так как в этом приказании „ничего нет против царя“. Не менее остроумные приемы употреблялись и для утверждения такой дисциплины. Встретит, например, такой „веселой командир“ казака и огорашивает его таким приказанием: „пой, не думавши“, или „пляши, не думавши“. И казак, не взирая ни на место, ни на обстановку, должен действительно, „не думавши“, выполнять это приказание, выкидывая разные колена пляски или начиная во все горло орать песню. Трудно выдумать другое что для издевательства над человеком. К чести казачьих офицеров нужно сказать, что среди них только как печальное исключение попадались такие „веселые командиры“. Да и не безопасны были для них такие „приемы“ насаждения „дисциплины“ — ведь он живет вне службы дома, бок о бок с теми, по отношению которых он допустил такое издевательство и при встрече с ним в станице ему приходилось краснеть перед ними или, еще хуже, платиться чем либо более серьезным. Случаи этому были и предупредительное начальство начало назначать потом офицеров в части, которые комплектуются не из тех районов, где живет офицер. Все, что было худшего в деле „насаждения дисциплины“ — все было наносное, принесенное нашими „просветителями“, которые пользовались особым вниманием чуждого казакам по душе его начальства. В результате не угодно ли:

„Где потоки Аракса шумят

Там живут пластуны...

Берегись, — по долине той

Конный, пеший не пройдет живой“.

Уж на что безобидное существо — монашка (со сбором туда забрела), да и от той после нашла платья одни. Чем не „подвиг“, чем не „геройство“, воодушевившие поэта до такой степени, что от избытка сердца он посчитал нужным увековечить в песне такой случай.

Не много лучше было и в конных частях, занимавших пограничную линию с Персией и Азиатской Турцией. Правда, здесь до монашек дело не доходило, но армянские барашки соблазнили многих. Для приобретения этого лакомого блюда казаки придумали очень остроумный способ. На ночь армяне обыкновенно загоняли большие стада своих овец в плетенные сараи с плоской крышей, в которой для притока воздуха оставалась довольно большая дыра. Ночью человека 2 или 3 взбирались на крышу и через дыру затянутую петлей (арканом) выуживали барана по вкусу. Удобно и безопасно, так как петля затягивалась моментально и животное не успевало и пикнуть. Для свиней же практиковался другой способ: на длинной, тонкой веревке привязывалась удочка и пряталась в какую либо лако-

мую для свиньи пищу или фрукт. Проходя мимо стада свиней, „снаряд“ этот бросался в их среду. Проглотившая такую приманку свинья сама собой бежала за человеком, державшим другой конец веревки, иногда на довольно значительном расстоянии от него (смотря по длине веревки), до самого поста, где в конце концов, превращалась в колбасу, которой угощали и начальство, появившееся на посту.

Все жалобы на такие проделки оставались „без последствий“, потому что никогда не удавалось открыть следов преступления и установить виновника. Если дело было на посту, то украденное скрывалось где-нибудь далеко от него; если же это было в лагере, то в одной из офицерских палаток, под кроватью обыкновенно у командира той же сотни, к которой принадлежали провинившиеся. Этим достигалось ослабление тщательности розыска, потому что каждый командир сотни боялся, чтобы виновник не был обнаружен в его сотне, что могло быть отнесено к слабости его надзора.

Вообще казаки были большие мастера „заметать следы“. Бывший начальник одной из Кавказских казачьих дивизий генерал-лейтенант С. С. Леонов, сам донской казак, но служивший в гренадерском гусарском полку, рассказывал мне такой случай. Как-то раз прибежал к нему сильно взволнованный армянин и заявил, что казаки украли у него буйвола; подозрение пало на ближайший пост. Эти жалобы сильно надоели ему и он вознамерился сам сделать обыск, с тем, чтобы примерно наказать виновных и положить предел такому безобразию. Обыск, разумеется, не дал никаких результатов и дело затянулось бы, быть может, до случайного обнаружения преступления. Оно действительно скоро обнаружилось. Адъютант, бывший с ним на обыске, через некоторое время заявил, что нужно вызвать начальника поста, на котором производился обыск, для выяснения вопроса о получении постом патронов. Дело в том, что по справкам оказалось, что никаких патронов от полка, к которому принадлежал пост, не высылалось, а между тем он видел среди двора повозку, прикрытую брезентом, около которой стоял часовой и начальник поста заявил, что это патроны, присланные полком для раздачи по постам. Пост был урядничий, небольшой. Вызвали начальника поста, из объяснений которого выяснилось следующее. Казаки поста действительно пригнали на пост буйвола, принадлежащего армянину, но так как скотина была большая, а сам хозяин поскакал с жалобой к начальству, то решили спрятать его живьем пока пройдет обыск. „Ну де його схоронити, таке велике“ — объяснил урядник. Придумали поставить среди двора артельную повозку, связали буйвола, свалили его на повозку, прикрыли брезентом, поставили часового и сказали, что это патроны для раздачи по постам. „Вона худоба смирна, тільки зв'язи і роби, що хоч. Тільки і труда було, поки звалили його. Та тепер це діло порішили миром“. На вопрос, каким же образом порешили, урядник добавил: „Та як побачили, що генерал дуже розгнівався, як робив обыск, та й думаємо, а що, як узна, що його так здорово обманули, та... то страшно стало, що діло суда не mine. Погнали буйвола до армянина і сказали, що ніби ми нашли його, як блудив. Вірмен обрадив (бо у него тільки одна пара і бу-

ла, а пора робоча), що дав нам за це баранчика, та ще й могрич поставив, та ще й прощення просив, що обідив нас. А для нас воно і краще — баранина куди смашніша буйволятини“...

Генерал, получивший такой доклад от адъютанта, принялся хохотать до упаду, призвал начальника поста, дал ему 25 рублей за остроумную выдумку с предупреждением, чтобы впредь этого не было.

Таков был результат насаждения дисциплины. И это среди тех, у которых еще в старинные времена норовство считалось самым большим преступлением, которые сами были хозяева; среди тех, которые так чтит чужую собственность, что, бывало, всю Черноморию проедешь и не встретишь запертой хаты даже в отсутствии хозяев.

Да что же другое можно было ожидать, когда все было направлено к принижению, к полному пренебрежению человеческого достоинства. Не угодно ли такие факты. Загулял „веселый командир“ в образе бригадного генерала, и в лагерях среди ночи, когда люди, утомленные дневной работой, спят крепким сном, вызывает полк на переднюю линейку, командует сгаться на колени, становиться перед полком и сам на колени лицом к нему и, „воздев руце горе“, начинает кощунственно громким голосом произносить молитвы с особенным пафосом, по окончании которых, иногда довольно долго длившихся, приказывает разойтись. Или еще лучше: такой же „веселый командир“ полка, также вызывал полк, командовал: „ложись!“ и по спинам людей танцевал лезгинку. И это не выдумка, а факт. И этих „веселых командиров“ можно бы и по фамилиям назвать. Генерал — не казак, пользовавшийся особой протекцией наверху в Петербурге, говорят даже пользовавшийся отпуском денег от Двора, вероятно для поощрения „веселостей“.

Можно ли допустить большее издевательство над человеком, как топтание его ногами. А между тем это было. Повторю, что это не выдумка, а случай действительный, так как слышал его от офицеров, служивших в полку при этом „веселом“ командире и не верить которым нет основания.

По этим же двум последним фактам можно судить о том взгляде на Казачество, который существовал „наверху“. Если к казакам „сплавлялось“ все, по пословице: „На тебе, Боже, что мне не гоже“, то чего же хорошего можно было ожидать в будущем? И не правы ли были казаки, что всеми силами боролись против вторжения в их среду постороннего элемента? Не они ли, эти пришельцы, больше всего способствовали тому принижению Казачества, которое чувствовалось всеми? Уже одно присутствие этих „отверженных армией“ понижало в глазах не только самой армии, но и всего общества достоинство казачьих частей. Утверждалось мнение, что среди казаков все возможно, возможно даже те поступки, за которые эти пришельцы должны были „искать места“, и всякое самодурство, вроде упомянутых выше, считалось не только возможным, но и „уместным“ среди казаков, так как оно, видите ли, служило средством „обуздания вольноветей и укрепления дисциплины“.

(Продолжение будет).

В. П. Елисеев (В. Петров).

„Белое окружение“.

„И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут. Вот, мы оставили все и последовали за Тобою“.

Ев. от Луки, XII, 48, XVIII, 28.

I. „Молодой орленок“.

Теплое, после ночного дождя, майское утро. Большой красный круг восходящего из-под садов солнца, отливаясь на придорожных широких листьях лопуха, ря-

бит глаза, играя в капельках воды всеми семью цветами радуги. Горит под играющими лучами солнца и сам зеленый прогон. Как будто и его серебром кто осыпал. Травку, как кто руками за ночь подтянул — подалась от дождя на глазах. Хлеб на бугре тоже ожил. Не зря же жаворонки и всякая там птичья тварь закружилась. Готовятся уже вить гнезда да выводить детей. Сурепка, как и надо, по хлебу зажелтелась. А по прогону засеялись цветочки. Много цветочков! Красиво, когда по травке цветочки, мелкие, степные. Разноцветный ковер, а не прогон. Воздух? Не только чахоточных поправлять, а мертвых воскрешать. Сила. А

красное солнце, зеленая травка, желтая сурепка, разноцветные цветочки — радость, улыбка, умиление, желание жить. Большое желание жить. И долго, долго жить...

Вот, в такое именно майское утро я и подъезжал к новому месту моей службы — Власовскому лагерю, что находится в соседстве с Парамоновским рудником-городом.

Разные мысли роились в моей голове. Я гадал, что я найду здесь — в Постоянной Армии. Сомневался, не прогадал ли я, оставив свой родной 9 полк (единственный полк, сохранившийся после германской войны), поступлением в Молодую Армию? А самое главное, думал я, нет ли тут чего нечестного, что я, забираясь в тыл, оставил на позиции своих товарищей? Мне все думалось, что безрукий учитель Пономарев (стрелял он, держа винтовку на култышке) как-то странно, нелюбовно, даже сердито на меня посмотрел, когда я уезжал из полка (к слову — сейчас же после моего отъезда он вместе со своим братом, реалистом, был убит под словободой Орловкой). Но, ведь, я же не убежал из полка, успокаивал я сам себя. Чем же я виноват, если меня вызвали?..

— Совсем другое дело, думал я, катя по безлюдному руднику и глядя на его сиротливо стоящие бездымные высокие трубы. Только из единственной трубы главной шахты „Елпидифор“ и поднимался негустой, слабый дымок. Улицы же и шахтерские бараки-дома были пусты. Омертвел рудник. А бывало?..

Бывало целые десятки тысяч „черных богатырей“ забивали не только что бараки и улицы, но и широкие площади и садики рудника. В черных, мокрых отрешках они, усталые, грустные, задумчивые, то, оголившись, сушились на солнечном припеке; то, разбросав возле себя шахтерские лампы и опустошенные бутылки, громко задавали храпака; то, просто, бесцельно бродили по руднику, то спешили на „спуск“ в шахту.

Мой станичник, полицейский пристав Дохнов, наблюдал за порядком; рудник гудел и дымился.

Это бывало тогда, когда я тоже был на этом руднике „черным богатырем“ — шахтером (Имея звание двухклассного учителя, я в течение четырех лет не удоставался чести от инспектора народных училищ получить место не только такового, а даже обыкновенного, сельского учителя. Почему и принужден был, в конце концов, от стыда и срама уйти от хутора подальше).

О руднике я думал, когда катил по нем, а еще раньше, при въезде в него я вспомнил о моем хуторце Свеколкине. Я слышал, что на этом руднике он во время господства большевиков был расстрелен. Позже я, действительно, нашел даже то место, где он, несчастный, принял мученический венец. Указали очевидцы. Говорили, что товарищи, выведя его с женой за рудник, приказали им раздеться до нага. Муж и жена попросили дать им время помолиться перед смертью. Товарищи, глумясь, разрешили. Когда ушли большевики, то хуторца с женой нашли лежащими нагими, лицом на восток и со сложенными в крест пальцами. Молились... Расстреляли их за то, что несчастные имели малолетнего сынишку в Донском кадетском корпусе — „кадета“...

В Власовский лагерь я ехал не один. Нас было трое: подесаул Дукмасов, сотник Костромин и я. Хочу, к слову, отметить, что стало впоследствии с каждым из нас, бывшими тогда так жизнерадостными и полными сил и надежд на будущую жизнь.

Под'есаула Дукмасова я видел не время эвакуации „белой армии“ к Черному морю тяжело раненным в голову. Бедняк так страдал, что от неосторожного шага — от оступления — у него делалось сотрясение мозга. И он тут же (где оступался) падал в беспомощность. Счастливей всех из нас (обо мне будет речь впереди) отделился сотник Костромин — эвакуировался неуничтожимым. Но последний, как знаю, умер в изгнании, в Болгарии... Думалось ли тогда кому-нибудь из нас, когда мы подъезжали к лагерю готовить для Дона Молодую Казачью Силу, что нас ожидает такое терпкое будущее, какого мы не пожелали бы тогда самому лихому нашему лиходею?..

Формирование Постоянной Армии из 19—20 летних казачат происходило в трех лагерях: Персиановском (1 Донская каз. дивизия. Полки: 1, 2, 3, 4), Власовском (2 Дон. каз. дивизия. Полки: 5, 6, 7, 8) и Каменском (3 Дон. каз. дивизия. Полки: 9, 10, 11, 12).

Начальником 2 Донской каз. дивизии был назначен ген.-м. И. Д. Попов (убит при эвакуации под г. Екатеринодаром). Командиром 8 полка (куда мы попали) был полковник Абраменков (убит под ст. Репной, командуя позже партизанской бригадой). Помощниками командира полка были: полковник Сутулов (при мне был ранен. Не знаю, остался ли вообще жив или нет) и войсковой старшина Каклюгин (убит в полку).

Залушенный лагерь (в 17 году не было лагерных сборов) не больше, как в два дня, вычистили, подмели, разбили заросшие бурьяном и травой дорожки, отремонтировали бараки и, наскоро сформировав полки шестисотенного состава, живо взялись за обучение собравшихся с разных станиц и хуторов молодых казаков. Взялись из них делать (а из них, как из глины, можно было лепить, что хочешь) Молодую Армию, надежных и преданных защитников Дона, на который в то время наседали разъяренные в большевицком пошибе красные орды русского народа...

Ежедневные, регулярные занятия по строго составленной программе, даваемой штабом дивизии на каждые две недели. Не только учим казаков, но учимся и мы сами, офицеры. Собираемся в офицерском собрании, где с самим начальником дивизии или каким-нибудь командиром полка для полной согласованности в обучении казаков дивизии, толкуем и разбираем новые уставы внутренней и гарнизонной службы. Выходим в поле, где или маршируем „учебным шагом“, или ездим на лошадях, рубим, колем, берем препятствия. А, оставив лошадей, спешим по сотням — учить тому же самому казаков. Обучение не только казаков, а и офицеров началось с самых первых ступеней военной азбуки.

Наезжает в лагерь и сам Атаман с командующим Донской Армией, ген. Денисовым. Последний, развесив карту Дона, делает доклад о наших успехах на фронте, а Атаман ходит, вытягивая носок, „учебным шагом“, делает полуобороты, повороты по разделениям и без разделений, показывает даже стойку, берет винтовку и делает с ней оружейные приемы — показывает, учит нас...

Дни спешат, а мы еще больше. Утро только чуть брезжится, а мы уже за гимнастикой.

Интересно и весело смотреть на два полка (полки 5 и 6 были расквартированы в самом руднике), рассыпанные спозаранку по лагерьному плацу в различных „уроках“ сокольской гимнастики.

Солнце только начинает золотить верхушки лагерных тополей — до нас еще ему далеко. По многотолдному плацу только и раздается. — Первый урок! Второй урок! На-а-чи-най! Отставить! Начиная!.. И ряды, ряды, как на экране! Вертятся, падают, вскакивают...

Тут же, между сотнями, заметны командиры полков, а то и сама рослая и представительная фигура начальника дивизии покажется из лагеря, и тогда команды зазвучат еще чаще и энергичней, а „уроки“ еще нужней запросятся на полотно достойной руки художника.

Когда же солнцу станет мало места на тополях, и оно перелезет через стрельбищный вал на низкий, ровный плац лагеря, тогда уже идут всевозможные „примыкания“, „размыкания“, „направо руби и налево коли“, „прицелка, взводные и сотенные учения (пешие по конному)“...

После обеда — в поле. Рассыпка, перебежка, пользование шанцевым инструментом, наступления, атаки, стрельба во всех ее видах...

По окончании занятий вызываются вперед песенники, и молодые груди, конкурируя друг с другом лихой выправкой в маршировке, оглушая песней поле, с гиком и свистом бодро и весело подходят к лагерю. Бодростью и самодовольством горят тогда лица и тех, кто их старше и опытней, кто их учит, кому вверена их молодая, покорная и доверчивая душа. Было очевидно, что в этой беспечной молодежи, недавно

слетевшейся с разных станиц Дона, не теплилась, а определенно горела святая любовь и безграничное самопожертвование. Душа их уже была в руках их учителей. На глазах всех зарождался и рос верный оплот и верная надежда Родной Земли...

Завтра Троица. Сегодня от станции до лагеря весь день валило поминичество дедов, бабок, матерей и особенно молодых баб. Перегруженные чужаками сестринских припасов, притащились они к празднику в лагерь, чтобы повидаться с внуками, сыновьями, а молодые бабы — с своими мужьями, ставшими теперь настоящими казаками — „служивыми“. Казакам, к которым прибыли родственники, разрешено было оставить барак и провести эту ночь с родными вне лагеря, под открытым небом.

Тепло и мило высыпали иногда небо звезды. Разбросав миллиарды горящих глаз по воздушной выси, накрывшей своей огромной светящейся чашей открытый бивак, оне, любознательные, не могли оторваться от нежных ласк и сладкого шепота искушившихся „жармелок“ и их молодых мужей. От сладкой истомы горящие зрочки звезд начинали расширяться, ярче загораться, а молодые супруги тогда, осторожно оглядываясь по сторонам, конфузились. А сам месяц — этот всегдашний свидетель амурных соблазнов — как уверенный в свои силы искусный пловец, плыл и плыл по воздушной выси самодовольно улыбаясь и хитро подмигивая остающимся позади него звездам...

А иногда от боли или от людского бесстыдства и звезды и месяц скрывались, прятались за откуда-то взявшиеся, застилавшие небо тучи. Не хотели ни видеть, ни слышать о нечеловеческой сирепости и о таком же богохульстве. Кто же может хладнокровно смотреть, как бедная мать, нежно прижавшись к своему сыну, рассказывает, плача, о погибшем отце, которого в своем же дворе, на глазах жены и детей большевики испорили живьем штыками; как надругались над маленькой, любимой сестренкой пьяные комиссары; как даже старую бабу не пощадили, искав у ней деньги. Не нашли, а голову все же, как мишень, изрешетили пулями.

Кому же не больно слышать, как оставляя станицы, красные поуводили с собой стариков-дедов, поугнали скот, поукосили на казачьих подводах хлеб? Кому же не страшно слышать, как новый русский „красный бог“ сжигает казачьи станицы и превращает церкви в конюшни и глумится в них до потери своего хамского сознания?

Нет. Лучше не слышать таких страстей. Лучше заткнуть уши... Вот потому то и звезды и сам месяц и скрывались иногда за тучами, а над открытым биваком тогда нависал тяжелый, душный мрак...

Утро. После многолюдного молебствия на лагерьном плаце — парад дивизии. Уже довольно вымуштрованы, приодеты, подчищены, с молодцеватым воинским видом полки стройно маршируют в порядке сотен, лихо равняясь направо, мимо начальника дивизии. Опытная, старая команда трубачей б. 9 Донского каз. полка помогает молодым казакам показать начальству и всем присутствующим результаты месячного пребывания их в лагере.

Идет волна за волной — сотня за сотней. — Хорошо, первая! Отлично, вторая! — не перестает подбадривать молодые, горячие сердца начальник дивизии.

От этих похвал замирает дыхание, застывает кровь и kloкочет сердце, а разгорячившиеся нервные ноги не по земле идут, а парят орлиными крыльями где-то в поднебесьи...

Из раскрасневшихся глаз стариков, пораженных такой скорой переделкой своих внучат в настоящих казаков, текут слезы. Слезы радости, восторга и гордого умиления...

— Ну, как, дедушка, узнаешь своего внука? — обращается начальник дивизии к одному из стариков.

— Где там узнать, Ваша Начальническая милость, — задыхаясь, говорит старик. И призначить-то нельзя. Покорно благодарим, Ваше Превосходительство, — добавляют все хором. — Постарались.

— Ну, а ты, мамаша?.. А мамаша только и смогла что-то пробормотать и, закрывшись платком, начала в него хныкать своими обильными, горячими, материнскими слезами...

Смелей (и веселей) были молодые „жармелки“. Завтра, может быть, и оне, оставшись без мужей, будут плакать, но это завтра, а сегодня? Сегодня по горевшим их щекам так и расплывается здоровый, самодовольный румянец, а глаза их так и горят лукавым, здоровым огоньком. Огоньком соперничества (каждая считает, что „ее“ — самый лучший, самый бравый), огоньком горячей, еще ненасытившейся (а только пробудившейся), бурливой любви...

И было чем гордиться плававшим матерям и дедом, и было в чем соперничать румяным молодайкам. — В лице этих бравых, отшлифованных воинским воспитанием, юношей возрождавшаяся была слава и мощь старых боевых знамен Войска...

Незаметно подошло и время присяги. Каждый офицер и казак (старая присяга была ни для кого недействительна), подняв со сложенным крестом правую руку, при полном и безоговорочном сознании защиты родного Дона, благоговейно повторял за священником свое святое обещание. — клятвенные слова присяги. Каждый клялся: „Обещаюсь честию Донского казака перед Всемогущим Богом и перед святым Его Евангелием и Честным Крестом, чтобы помнить престол Иоанна Предтечи и Христианскую веру и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, но быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству... Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах только пользу Войска Донского и не щадя жизни ради блага Отечества“...

Полковой священник нашего полка (не казак) осмелился было к присяге что-то добавить... Но есаул Веденеев (при эвакуации был станичным атаманом Ермаковской ст.) горячо запротестовал...

Мы же, молодежь, мало тогда обратили внимания на поползновение полкового священника. Мы безоговорочно, всей своей молодой душой верили в святые для нас слова присяги (написанные для нас нашим начальством), и потому какое-то чуждое нам „стремление“ пока прошло для нас тогда незаметным. Мы его не поняли. Вернее, мы его не могли понять. Оно не могло уложиться в нашем точном понятии всего того, чему нас, доверчивых, с неиспорченным, чистым сердцем, учили и что от нас ясно требовали, заставляя нас для крепкости „нашего долга службы“ даже клясться.

... „Итак, Донская Республика обладала своей собственной законодательной, исполнительной и судебной властью. Верховная власть внутри Войска Донского принадлежала Войсковому Кругу и его выборным органам. Она была непререкаема и суверенна... Донское казачество повиновалось ей „не только за страх, но и за совесть“. Все вступавшие на территорию Войска признавали эту власть беспрекословно... Подводя итоги сказанному выше, мы можем утверждать, что в XVI—XVII веках Войско Донское, говоря языком современного государственного права, было простой (не федеративной) непосредственной демократической республикой“.

(С. Г. Сватиков, „Россия и Дон“, стр. 41).

И ему, понятному нам, „долгу службы“ мы клялись с чистым сердцем. Присяга наша (точное ее содержание) вполне гармонировала с нашим духовным лагерным воспитанием, потому, повторяю, поползновение какого-то полкового попа перефразировать присягу т.-е. подменить „наш долг службы“ каким-то другим, чуждым нам „долгом“, мы и пропустили так легко между ушей. Даже не все и знали о „выходке“ попа...

К августу месяцу Молодая Армия была настолько подготовлена, обучена, что уже могла показаться самому Хозяину Войска, Войсковому Кругу, который, увидев посланных в Новочеркасск „молодых орлят“, отдал следующий приказ:

— „Донские Орлята! 16 августа на Соборной площади своей столицы, у памятника народного героя — Ермака Тимофеевича — члены Большого Войскового Круга видели вас на параде. Слезы гордости и бесконечной радости блестили у ваших дедов и отцов, когда вы стройными и мощными колоннами проходили мимо войсковых регалий и старых боевых Знамен — немых свидетелей бывших подвигов и славы казачьей. Только два с половиною месяца прошло с тех пор, как вы слетелись с вольных хуторов и станиц на службу Тихому Дону. Но успела уже вырасти за это короткое время из вас молодая и сильная армия. Крепкое казачье спасибо, родные, шлет вам Большой Войсковой Круг за вашу службу. Бог в помощь вам и на будущее время. Разъедутся члены Круга по всему Войску Донскому и разнесут по всем уголкам горделивую весть о том, что не погиб еще наш Седой Дон, так как есть у него молодые орлы, которые смогут сберечь его честь и седую славу.“*)

*) Всевеликое Войско Донское. П. Н. Краснов.

Немного позже, 26 августа Войсковому Кругу была представлена вся Молодая Армия, собранная в Персиановском лагере. Впечатление, оставленное от этого исторического грандиозного парада, было колоссальное. Многие члены Круга бросались на шею „молодым орлятам“ и, крепко к ним прижимаясь, горячо их целовали...

В том же августе месяце по лагерю распространился слух, что Молодую Армию из лагерей переведут по станицам на зимовку. (Назывались даже станицы. Для нашего полка называлась ст. Вешенская).

Явствовало, что наши успехи на фронте были вполне удовлетворительны, если Донское Командование не спешило с посылкой нас на фронт, а было в состоянии держать нас на случай надобности, как глубокий резерв. Другое самоуتهшение было то, что казаки в тайне питали надежду, что их посадят на лошадей. Рассуждали, что если не успели их посадить на коней в лагере, то на зимовке уж их посадят наверняка. Пешими остаться никто не хотел. Тем более, что — „действительные“, как называли сами себя казаки.

И вот, как раз тогда, когда упорно заговорили о зимовке и получился срочный приказ о выступлении Молодой Армии на фронт. Случилось это в последних числах августа (по ст. стилю).

И дивизия, ничего не зная и не предполагая о какой-либо спешке вчера, сегодня, выстроившись на лагерном плаце, встретила Донского Атамана, прибывавшего в дивизию для личного ее прохода на позицию...

(Продолжение следует).

Думы и мысли.

Ив. Томаревский. (Болгария).

* * *

Пройдут и скорби и невзгоды —
Сотрет их время бытия...
Но злые дни, печалей годы
Запомят люди навсегда.

Не зримы жизни нашей дали —
Что будет с нами впереди?
Что будет с нами, казаками,
В краях родимых на степи?

Добьемся-ль Воли по заветам
Своих прославленных дедов?
Верны-ль останемся обетам
В семье родимой казаков?

Продолжат дети-ль наше дело —
Добиться воли жить самим?
Иль слабый дух и слабость тела
Не даст исполнить это им?

Должны мы верить, быть тревогу,
И все казачество мы звать
Одну свободную дорогу
На поле жизни отыскать.

Дояжны надеяться, всемерно
Стремиться миром, иль войной,
Добиться Воли непременно
И Край свободным видеть свой!

Сам себя наказал.

Г. Мельников много страниц своего журнала „Р. К.“ исписал, много крови себе попортил на доказательство того, что „Вольное Казачество“ — „вредное для Казачества политическое течение“, совершенно „чуждое“ ему, выдуманное заграницей „небольшой кучкой безответственных лиц“. Какие страшные слова не говорил он по адресу последних, каким клеймом он их не клеймил! Какие „исторические данные“ он не приводил, какие грязные слухи он не пускал по адресу

Вольного Казачества для его опорочения, какую „теорию“ он не разводил?

Но, в конце концов, он все свое писание, всю свою „теорию“ сам же уничтожил в своей статье (последней), помещенной в „Казачьем сборнике“.

Правда, и в этой статье имеются бессодержательные слова о служении „национальной России“, т. е. отвлеченной, в жизни не существовавшей России, ибо он, Мельников, желает быть верным „России, отечеству“, — а не говорящим от ее имени владыкам“. А так как России, без „говорящих от ее имени владык“ исторически не было и не будет, то ясно, что Мельников говорит о несуществующей России.

Приведем заключительную часть статьи г. Мельникова для того, чтобы показать какую он подлинную самостоятельность разводил и вместе с тем какого туману он наводит на счет своей любви к России.

„У Казачества (у Мельникова всюду слово Казачество пишется с маленькой буквы. Мы привыкли уважать Казачество и не можем писать это слово с маленькой буквы) накопилось много горечи против Российских верхов, — пишет Мельников, — и на ней то играет кучка самостийников, стараясь эту горечь направить против самой России (как Мельников собирается отделить „Российские верхи“ от „России“ — это секрет его. Не по Сталину ли? С. С.) Политика верхов в отношении Казачества — увы! — всегда была неправильна (какая мягкость! С. С.). Дореволюционное правительство рассказывало казаков, шаг за шагом превращая самоуправлявшиеся раньше казачьи области в простые губернии, революционные верхи мобилизовали против Донцов два военных округа и — устами Чернова — требовали от Казачества „потесниться“, вожди белые, придя в Казачьи Края, хотели только командовать. Все это придется оставить Казачеству, верное России, будет не только служить отечеству, но и жить по своим обычаям, оно же-

дает быть хозяином в своей собственной хате. Оно верит России, но не верит верхам (очевидно, Мельников верит в Россию без головы, без верхов, т. е. в ничто? С. С.). Право Казачества быть хозяином в своей хате должно быть не только признано, но и обеспечено (Кем? Всем верхам Вы не верите, а несуществующая Россия без головы обеспечить не может. Как же быть? С. С.). Казачество не удовлетворится словесными или бумажными обещаниями, ибо помнит свое прошлое и новейшее обще-европейское. История с „клочками бумаги“ у всех в памяти. Нужны гарантии реальные (! С. С.). И оно должно быть“. („Казачий Сборник“, издание „Каз. Союза“, Париж, 1930 г.).

Удивительное дело — иногда некоторые взрослые люди любят самих себя сечь!

1) „В. К.“ говорит и пишет, что царское правительство рассказывало казаков. Мельников этим возмущался и называл вольных казаков преступниками. Но теперь взял да и сам написал „дореволюционное правительство рассказывало казаков“.

2) „В. К.“ утверждает, что русская демократия стремится уничтожить Каз-во.

Мельников этим возмущался и разводил на эту тему всяческую демагогию. Но теперь сам это утверждает: „революционные верхи мобилизовали против Донцов два военных округа и — устами Чернова — требовали от Казачества „потесниться“.

3) „В. К.“ утверждает, что вожди „Белой Армии“ погубили чисто народное казачье освободительное движение. На это Мельников кричал: „Ату их, они оскорбляют великих русских патриотов!“ Но теперь сам пишет, что „вожди белые, придя в Казачьи Края, хотели только командовать. Все это придется оставить“.

4) „В. К.“ писало, что ни в одной русской политической партии Казачество не найдет себе друзей, защитников подлинных казачьих интересов.

Мельников на это кричал: ненавистники русского народа продались кому то!

А теперь сам пишет, что Казачество „не верит верхам“.

5) „В. К.“ говорит, что Казачество должно жить свободной, самостоятельной жизнью, имеет право быть полноправным хозяином в своем доме, и это должно быть осуществлено несмотря ни на что.

Мельников на это кричал: расчленители России, предатели Родины, взять их на мушку!

А теперь сам пишет — Казачество должно „жить по своим обычаям, оно желает быть хозяином в своей собственной хате... Право Казачества быть хозяином в своей хате должно быть не только признано, но и обеспечено“...

Так пункт за пунктом г. Мельников принимает все утверждения Вольного Казачества. Так стоило ли огорчать городить? Какая была надобность сечь самого себя? Зачем так подводить своих, хотя и немногочисленных, сторонников? Как они должны теперь вести себя — также, как и Мельников, начать сечь себя публично? Какое же это неприятное занятие!

С. Савельев.

Самостийники-ли казаки?

(Отрывок из воспоминаний).

Конец 1918 г. был для Казачества одним сплошным подвигом по защите родных Краев от внешних врагов. В то время казачьи полки плотно закрепились на своих границах и только северная часть Дона еще не была освобождена от красных, где шли упорные и безуспешные бои...

Пришла весна 1919 г. Внутренние враги, душители казачьей свободы, подняли головы и стали распоряжаться в Казачьих Землях, как в своей хате. Разные гг. Глазенапы (Ставропольский губернатор) за последние 5—6 месяцев своими приказами, вроде таких: „Завоеваний февральской революции не признавать, а пользоваться только законами, существовавшими до 1917 г.“ Все это, вместе взятое настолько обозлило ставропольское крестьянство, что оно начало восставать против этих Гла-

зенапов и их ставленников. Крестьяне стали уходить за реку Маныч к большевикам. Они увидели, что генералы возвращают старый режим. Вот каким образом Деникин делал из наших друзей наших врагов.

Точно таким же приемом была убита наша налаженная дружба с Украиной и Грузией, против которых, вместо признания, готовил он поход, чтобы насильно притянуть их к его „Единой и Неделимой“. Казачество, видевшее гибельную политику Деникина, начало давать ему отпор.

В эти дни Пластунская бригада генерала Х. и конная дивизия генерала Б. вели бои с большевиками на реке Маныче, продолжавшиеся до конца апреля. Здесь то казаки и показали, что они самостийники. Они поклялись не пускать большевиков за свои границы и с ожесточением лезли на многочисленного врага. А командование же, заодно с продавцами казаков Филимоновыми, отдавало приказ за приказом идти на Царицын и далее на Москву. Тут-то на одном из собраний бригады казаки категорически заявили, что они дальше своих границ не пойдут. Один из офицеров, сотник Литвиненко, в грубой форме пригрозил казакам: „Мы офицеры, всех вас“... и, не успев сказать до конца, свалился под ударом приклада, от чего и умер потом в больнице. А на другой день батальон полка Ц. почти в полном составе, через село Винодельное, уходил на Кубань; к этому же батальону присоединились не мало казаков и из других батальонов.

Так реагировали казаки на первый приказ идти на Москву. С этого дня не проходило и ночи, чтобы какая либо группа казаков не ушла на Кубань.

Наконец, пришло пополнение и начальник бригады, ген. Х., обратился к казакам с приветственной речью, которая все еще сводилась к „войне до победы за единую и неделимую“. Речь эта казакам явно не понравилась, еще не кончил генерал ее говорить, как уже поднялся шум среди казаков. Вдруг наступила тишина. Один из казаков, подошедши к начальнику бригады, попросил слова. Тот разрешил. Казак смело и отчетливо начал говорить, что вот, мол, ваше превосходительство, здесь мы, казаки, умираем на фронте от вражеских пуль, голода и холода, а в тылу делаются приготовления к бегству, господа увозят свои капиталы, грузят чемоданы. А главное командование наложило руки на Кубань, все это нужно прекратить, и т. д.

На лицах 800 казаков явно было видно желание идти на Кубань и расправиться с внутренними врагами. Раздались голоса: „Послать туда батальон, а коли мало и всю бригаду, поарестовать всех и привести на фронт, дать им винтовки в руки и пусть идут брать свою Москву. Казакам же надо спасать свое, а ежели будем наступать на Москву, то и свое потеряем.“

И сбылись эти слова казаков самостийников, потому что в них была правда.

А. Чекин. (Югославия).

Казачество и Муза.

За время десятилетнего пребывания казаков в эмиграции печать почти всего света не мало уделила своего внимания искусству наших „степных орлов“ в области пения и музыки.

Печатное слово казачьих журналов и информации также часто останавливалось на музыкальной деятельности зарубежного казачества и повидимому намеревалось этот вопрос выдвинуть, развить и осветить, но попытки эти были столь неуспешны, что иногда складывалось впечатление — иль на Казачьей Лире лопнули струны, или богиня Искусства разгневалась на Вольные народы.

От иностранной печати казаки не могли требовать многого, ибо наше отношение к Музе — интимно, болезненно нашей души сокрыты в непроницаемых ее уголках, и на Казачьей Лире натянуты невидимые струны.

Иностранная печать все же свою роль сыграла, — она зафиксировала выступление организованных музыкальных сил казачества на мировом форуме и в своем отношении к успехам Казачьей Леры проявила должное внимание.

В таких случаях Лира не критикуется, т. к. наука

о музыке законченной быть не может, ибо она бес-предельна и безгранична, воспринять же ее и оценить каждый слушатель вправе по своему, в зависимости от степени развития своей музыкальности, почему на страницах иностранной печати кроме выражения симпатий культурного света нашему музыкальному искусству ничего другого мы найти не могли.

Казачья пресса пыталась связаться с Казачьей Лирой, имея, возможно, благое намерение — прийти на помощь народному искусству, но к сожалению, успеха в том не имела. Кто в данном случае был виноват: печать, Казачество или Лиры?

Пусть не думают читатели „В. К.“, что я собираюсь упрекать родную печать или ее Водителей в их недоброжелательстве к музыкальному искусству вообще, или пытаюсь представить „В. К.“ сказать незаслуженное слово от лица Казачьей Леры, — далека от той мысли; своим же выступлением имею чистосердечное желание совместно с Лирой и „Вольным Казачеством“ быть полезным нашей дорогой Родине. Повторяю, печать „В. К.“ вложила много энергии и любви для возрождения Казачьей души, на помощь ее святому делу спешат все сыны, любящие свою мать страдальцу; с тем же чистым сердцем, без злобы и укора, я выполняю и свой долг, будучи уверен, что ни Казачество, ни Муза меня за то упрекать не станут.

Музыка есть средство для воспитания народов, музыка — средство и сила для возрождения души.

Печать „В. К.“ наглядно изображает тоску наших станичников по Родине. Это опасная и страшная душевная болезнь растет и ширится в рядах казачьей эмиграции.

Какая сила, какая медицина может побороть горечь казачьей души? — Нет тому ни средств, ни лекарств, и не найти их ни в знойном труде, ни во сне, ни в алкоголе, — лишь Муза может прийти Казачеству на помощь.

Казачество, как вольное племя, на своей территории истребляется советскою властью при поддержке русского мужика; Казачество в эмиграции вымирает естественной смертью, и нет гарантий, что XX век не сотрет Казачества с лица земли, но нет сомнения, что Муза возродит его в следующие века.

Как же относится Казачество к своему неугасаемому светилу? Как чтит основу своего Бытия? С какою признательностью воздаст должное прекрасной богине Искусства, наделившей возлюбленное ею вольное племя высшими дарами?

Чтобы на эти вопросы ответить на основании данных, проследим отношение нашей печати к Казачьей Лире.

Зарубежная казачья литература без различия ее направлений и убеждений, информируя своих читателей о жизни станичников за границей, останавливает наше внимание на успехах молодежи в борьбе за свою будущность и культуру. Каждый № любого казачьего журнала приносит приятные новости: молодые ученые силы — инженеры, агрономы, техники, механики, электротехники, шоферы, профессора, доктора, лекари и т. д. и т. д....

Бесспорно, велика радость Казачества в своей молодежи видеть подготовленных культурных работников, способных привести в порядок разрушенное хозяйство на Родине, велика признательность и благодарность наших станичников печатному делу, собирающему молодой полезный элемент Казачества в один лагерь, но где же работники, посвятившие свою жизнь духовному строительству поруганного, замученного, оскорбленного и обезглавленного Казачества? Где Сила, способная всю нашу нарождающуюся культуру привести в движение на казачьих парах, по ковылю казачьих степей, под лучами казачьего солнца?

Та Сила не спит и не дремлет, — в дни казачьего лихолетья она проникла в глубину казачьей души, залечивая ее большие раны и язвы и удобряя почву под молодыми ростками казачьих сердец.

Была ли богиня Искусства благосклонна к казачьим народам? Двух мнений здесь быть не может. Весь музыкальный и культурный свет признал Казачью Лиру и аккорды ее струн с благоговением воспринял в сво-

ем сердце. С научно-музыкальной точки зрения успех Казачьей Леры был исключителен, и в истории развития музыкального искусства нет примеров, чтобы художества наших великих учителей в разных концах света принимались бы народами с тем восторгом, кое было проявлено по отношению к казачьей песне. Что же касается самого Казачества, то в наиболее кровавые дни борьбы за его вольности, Муза вдохновляла казачью Лиру и на опустошенных степях возрождала вольную душу.

Нужно ли Казачеству, носимому на крыльях доброй богини, давать указания, как следует относиться к Музе, Казачьей Лире, ее струнам, аккордам и родной песне?

К прискорбию приходится сказать: „да, да и да...“ Просмотрим нашу зарубежную печать, откроем страницы журнала „В. К.“ номера: 43, 44, 46, 54, 56 и приведем к одному знаменателю не сказал бы критику, а заметки о родном искусстве: станичники в аккордах своей Леры способны были слышать звукоподражания четверногим, рогакам, гончим, пернатым; плач казачьей души ими воспринят как кваканье, лай, мычание, рычание, и пр., у Леры найдены рыбий хвост и голова, а богиня Муза предстала пред нами в образе жеребца Гомера. Рассмотрев науку об искусстве как виртуозность рыжого Августа с его „прибаутками и погрешностями“, кое-кто душевные переживания относит к области „телячьих восторгов“ и музыкальное художество ставит в рубрику граммофонов и шарманок...

Тяжело мне, и как казаку и как поклоннику прелестной Музы, приводить все выдержки из казачьей прессы об отношении станичников к своей Лире.

Непонятна цель выступления таких критиков на страницах уважаемого журнала с подобными рецензиями о концертном исполнении славных хоров, кои в лагерь Казачьей Леры ввели тысячи новых венков славы. Не верится, что здесь играли роль вопросы о бесплатных билетах, почетных стульях и пр.; убежден, что наши станичники, выступая со своими заметками в печати, имели благое намерение — развить музыкальный вопрос, но как видим сами успеха в этом не имели.

Мне вспоминается случай в храме Божиим: старый кавалерийский генерал, с грудью украшенной российскими орденами, несмотря на непогоду, прибыл в православную церковь на торжественное богослужение. С трудом пробившись в первые ряды молящихся, старый воин остановился у иконы св. великом. Георгия Победоносца. Осеняя себя крестным знаменем и намереваясь зажечь свечу, генерал неожиданно довольно громко проговорил: „проклятый вестовой, опять позабыл подвязать хвост коню; нарвал бы ему чуб...“

Обиделся ли Георгий Победоносец на старого генерала за его неуместную заботу о лошадином хвосте, и можем ли мы его невыдержанное замечание ставить ему в вину?! ... Думаю, что нет, но каково самочувствие остальных молящихся, с полным смирением приклонивших свои колени пред иконою того же святителя?..

Подобный неприятный осадок остается у читателя на душе, а у казака тем более, когда аккорды Казачьей Леры сравнивают со звукоподражаниями пернатых, лаем гончих, кваканьем лягушек, мычанием коров, ржанием жеребцов, искусство подводят под шарманку, а Музу переименовывают в Гомера...

Были попытки наших станичников сказать пару слов о музыкальном искусстве по существу, но опять-таки, умалчивая о классической разработке Г. Кострюковым Донского Гимна и „Стенька Разин“, а также не замечая музыкальности г. Жарова в управлении наши критики подводят их работу под формулу: „ни бе, ни ме, ни кукуреку“...

Неужели же мы не в состоянии были разобраться (не говоря уже о музыкальных тонкостях) в знакомых и несложных песенках упомянутых в печати: „Вечерний Звон“, „Господу Богу помолимся“ и др.

Если бы один из критиков, вместо длинных и неосновательных нападок на работу казачьих хоров, дал полезное указание, по всей вероятности наш музыкальный мирок не замедлил бы с благодарностью отозваться, и мы имели бы связь Казачества с Лирой.

Если для читателей нашего журнала представляют интерес тамбураши, гармонисты, а также внимание читателей заслуживают новоиспеченные доктора, агрономы, инженеры и прочие ученые силы, способные свои науки пройти за 4, 5, 6 лет книжного труда и быть дипломированными, то тем более заслуживают внимания труженики музыкального искусства.

Десятилетний срок изучения музыки дает возможность посвятившему себя далеко неблагодарной профессии стать в ряды музыкального мира на положении обычного рабочего, коему в составе оркестра как „музыканту“ предъявляется требование ни больше ни меньше как сознательно, без фальши и в правильном темпе проиграть „марш“. В нашей же казачьей эмиграции из числа „музыкантов“ после упорного труда выдвинулись и „музычары“, и „майстеры“, и „концерт-майстеры“, и „солисты“ и „художники“. Также и в области пения выдвинулись работники, кои способны дар Божий нашего Казачества развить до рекордной высоты и тем позолотить струны нашей Лиры.

Заслуживает ли богиня Искусства тех тяжелых нареканий, кои посланы ей устами казачьей печати?

Весьма редок случай дабы первоклассный оркестр рискнул бы принять в свои ряды цыгана, ибо последний, несмотря, ни на свои школы и консерватории, по своим кровным недостаткам не может быть „ритмичен“.

Если веселая публика, увлекающаяся цыганскими эффектами, доходящими иной раз до музыкального абсурда, признает в них дар Божий, то цыганское племя отлично сознает свои недостатки, не позволяющие стать им в ряды классической организованной музыки (хоровой или оркестральной), и без ропота на Музу ожидает ее милостей.

Совершенно в ином положении по отношению к музыкальному искусству находится племя привольных Стелей — наше Казачество: его органическая склонность к ритмичности позволяет ему безболезненно стать на музыкальный путь; его слух, доходя до абсолютизма, является Божьим даром, с коим музыкальному миру предъявляются новые рекорды; соответствующее здоровье, развитие и крепость организма, выносливость и сила сердца дают исключительную возможность для проявления художества в мере подсказываемой бога-

тырской душой казака; тяготение к организованности и разумное восприятие музыкальной дисциплины способствуют Казачеству в музыкальном совершенстве, а если же принять во внимание его труд, упорство и волю, то легко придем к заключению, что победа Казачьей Лиры — явление не случайное...

Что же касается церковного песнопения, то думаю и здесь была допущена неточность в критике.

Далеко не все „святое“ пение должно напоминать „великопостную Пятницу“, „надгробное рыдание“ или монастырские стены. В церковном пении также есть отражение праздничных, воскресных и прочих торжественных служб и настроений. Хотя мы сейчас не разбираемся какой хлеб едим — православный, католический или мусульманский, но в душе каждого из нас осталось неизгладимое впечатление от Пасхального „Христос Воскресе“ или вечального „Иссыяя Ликуй“, почему думаю у наших хористов было основание, предлагая публике программу церковного пения, внести в нее на одинаковых началах и „минорные“ и „мажорные“ тона...

Не будучи в состоянии по независимым от меня обстоятельствам более подробно остановиться на вопросе музыкального искусства нашего Казачества, и вдоваться в теорию о „диссонансах“ и „консонансах“ его хорового пения, отмечаю факт — Казачья Лира, пройдя по свету, воспламенила сердце культурного мира в пользу вольных народов и аккордами степных струн навевала усадлу на музыкальные души.

Приветствуя наше музыкальное Казачество, его молодые развивающиеся силы и их преданность Родине, проявленную ими на посту часовых у струн Казачьей Лиры, выразим им свою веру в приближение часа, когда на крыльях Музы душа вольного племени степных народов перелетит на поля Родной Нивы и под звуки аккордов золотых струн возродит на них вольных Чудо-Богатырей.

Отдавая должное художникам славной Казачьей Лиры, будем горды ее светским успехом и уверены в ее конечной победе над кровавой песней Московских палачей.

Петр Апостолов.

Югославия 20-IX-1930.

Казачье колонизационное дело.

Предварительные переговоры в Америке закончены. Предстоит съезд представителей организаций, заинтересованных в поселении на землю. После этого съезда в Америку выедет особая делегация (в том числе и от казаков) для детального ознакомления на месте со всеми условиями и обстоятельствами переселения. Ввиду этого Казачий Колонизационный Комитет решил произвести предварительную запись казаков (и всех вообще уроженцев Казачьих Земель), желающих поселиться на землю, для того, чтобы казачья часть делегации

знала перед своим отъездом в Америку хотя приблизительное число будущих колонистов (повторяем, что окончательно вопрос будет решен только после поездки делегации).

Заявления одиночек и списки групп направлять секретарю К. К. Комитета С. Балыкову по адресу: Fochova 130, Praha XII Tchecoslovaquie.

В списках и заявлениях указывать: 1) имя, отчество и фамилию каждого желающего, 2) какого Войска, 3) возраст и 4) семейное положение (подробно).

Казачья эмиграция.

Казаки в Перу. *)

(Окончание).

Город Кальяо, в котором осталась группа г. Лысенко, находится на берегу океана и, как портовый город, относительно шумный, с весьма развитой торговлей, которая находится преимущественно в руках китайцев. Первые дни после отъезда группы генерала Павличенко, на оставшихся казаков как-бы никто не об-

ращал внимания, но казаки сами о себе давали знать. Благодаря хлопотам перед соответствующими лицами, казакам было выдано по паре ботинок, одеяла, а также и посуда для варки пищи.

Не проходило дня, чтобы какой-нибудь авантюрист не являлся к казакам, общая золотые горы. Но все были осторожны, а с другой стороны знали, что сидение ничего не дает и выход нужно отыскать. Желая обратить на себя внимание местных жителей, решено было дать концерт, который с материальной стороны имел хороший успех.

*) См. № 66 „В. К.“

Сидя в Калье казаки вели себя чинно и скромно, но обвинение в большевизме, брошенное группе Лысенко при отъезде группы Павличенко на постройку шоссе, все же висело над ними и возможно, что это было одно из обстоятельств, которое мешало вступать в переговоры с группой людей, проводящим колонизацию. Сидение на месте все же даром не пропало. Как только парижская группа увидела, что она предоставлена сама себе, сейчас же, по силе возможности, принялась за изучение колонизационного вопроса вообще. Выяснилось, что разбогатеть, т. е. стать капиталистом колонисту нельзя, но жить зажиточно, в довольстве и сытости можно.

Для колониста весьма трудным являются первые 5 лет, а дальше дело легче. Работать в одиночку нельзя, нет пользы. Читатель увидит ниже, что индивидуальность и погубила колонию на Маркапате. Колонистам следует работать только артелями. Г. Шамбарт, который явился к казакам устроить их колонию, по национальности француз, поселившийся уже не одну колонию, считается специалистом в этой области. Он подробно объяснил казакам дело поселения, на что они имеют право от правительства и на что не имеют. Указал, что если желание у казаков есть, то он поселит их на землях в долине реки Маркапата, где основывается колония под названием „Вина Агусто“, по имени президента республики. Тут же объяснил казакам, что обработка местной земли совсем не похожа на ту, которая существует в Европе, а посему придется слушать его советов. Земля может быть там хуже, чем в других районах, но там есть золото, сказал он, но тут же добавил, что для добыwania его у казаков нет ни средств, ни опыта, ни оборудования, а голыми руками много сделать нельзя.

Получив эту информацию, группа посовещалась и решила ехать на землю в долину Маркапата.

Когда об этом решении сообщили г. Шамбарту, то он тут же сказал, что выедут на место поселения без промедления; выдаст инвентарь, но по 15 соль (около 150 франков), которые полагаются каждому колонисту, они будут получать только с 1 января 1930 года, т. е. бюджетом эти расходы не предусмотрены в том полугодии.

Конечно, под инвентарем казаки понимали инвентарь по своему, но на самом же деле оказалось, что это скорее шанцовый инструмент, состоящий из мотыг, лопат и пр.; но, как оказалось впоследствии уже в колонии, этого инвентаря вполне достаточно для обработки земли и с европейским инвентарем, как говорит отец Михай, там положительно делать нечего.

Первый большой населенный пункт, который был на пути казаков к их цели, это город Уркас, расположенный на высоте 5.500 метров, но к этой высоте (в смысле воздуха) казаки привыкли быстро. Здесь местные жители и власти встретили казаков хорошо, устроили им обед, правда, говорит докладчик, пищу эту ели с трудом, но все кое-как ели, так как видели, что угощают от чистого сердца. О местных жителях, за отсутствием времени, батюшка говорил совсем мало. Народ немного с ленцой, чуждый современной культуры. Следующий город Куско, несколько ниже над уровнем моря; растительность более богатая, видны кукурузные поля, посевы бобов, гороха и пр. Настроение казаков поднимается, надежды возрастают. В этом городе был дан концерт, прошедший с большим успехом. Тут же было получено письмо из Лимы от группы казаков Писацкого, который просил взять его к себе, так как он не хочет ехать кировать шоссе, а его хотели отравить силой. Было обещано устроить эту группу, но потом с ними что-то случилось и их сослали не то на остров, не то еще куда-то. Видимо их за нежелание ехать на концессию Королевича обвинили в большевизме, так же, как и группу Лысенко.

О. Михай категорически опровергает утверждение г. Королевича о том, что якобы главари группы Лысенко, убили казака, пытавшегося пробраться на Монтанью, и что за это главари группы арестованы. Такие сведения действительно были в печати и об этом было сообщено г. Королевичем Кубанскому Атаману,

а последний говорил об этом на собрании казаков в Париже, в декабре 1929 года.

Никаких распри в группе не было, были иногда недоразумения с г. Шамбартом и то больше потому, что последний нервный, а казаки плохо говорят по французски, т. е. только на этом языке можно было кое-как с ним сговориться.

Из Куско были высланы „квартир'еры“, которые в дождевой период прибыли на Маркапат и, несмотря на это, смогли построить шалаши, в которых и приютились казаки по прибытии на „свою“ землю. Непосредственно около земли, отведенной для поселения казаков, есть несколько хуторков. Первое имение г. Калиновского, поляка; живет он хорошо, очистил от леса 100 гектаров земли, семья его большая — 12 душ. Главный его доход — водка, которую он гонит из сахарного тростника. Принял он казаков радушно. Выказал, что ему весьма желательно поселение казаков. Обещал помочь, чем сможет, главные советами. Всем бесплатно предложил семена. Другое имение японца; принял казаков тоже хорошо, его хутор несколько меньше, чем поляка. Главный доход тоже — водка. Третий хутор серба, который несколько запущен, но сам серб, ближе всех сидящий к казачьей колонии, много способствовал тому, что казаки продержались на земле 8 месяцев. Многие из казаков работали у него, он им платил больше, чем индейцам. Преувеличены те слухи, которые проникали в Европе в печать, что казаков серб эксплуатирует, спавает и пр. Нужда заставляла (ниже видно будет эту нужду) некоторых продавать даже и вещи, но покупатели были больше индейцы, а не серб или поляк.

Долина Маркапат, где поселились казаки, находится на 1000 метров над уровнем моря, климат здоровый, тропических лихорадок нет. В этой долине свободно могут жить до 5 милл. человек.

По прибытии на место выяснилось, что колонисты имеют право на одного мула; некоторым мулы были выданы, а некоторые получили деньгами. Земля, отведенная казакам, покрыта лесом, деревья дорогих пород: красное, черное, желтое и других цветов деревья, толщиной в полтора — два обхвата, выкарчевывались при помощи того „инвентаря“, который получили казаки. В начале дело с корчевкой осложнилось тем, что деревья перевиты лианами, но и с ними стали успешно справляться. Порода деревьев твердая и поэтому пилить их трудно. Травы в лесу нет, так что для корма скота приходилось бы сеять люцерну.

Казаки очень охотно принялись за обработку земли: корчевали деревья, строили дома, мороки с которыми было немало. Главное — отсутствие гвоздей, а купить нигде и не на что, так что приходилось бревна связывать тонкими лианами, пока не открыли „железное дерево“. Дерево это оказалось настолько твердым, что его тонкие прутьки вполне заменяли гвозди. Это дерево сразу окрестили „железным“. Постройка домов пошла несколько проще. Дома делались из пальмовых досок, а доски делались следующим образом: пилилась пальма, выдалбливалась сердцевина, потом она раскалывалась, получались тонкие но очень хорошие доски, а наличие „железного“ дерева давало возможность некоторым построить и двухэтажные домики.

Отец Михай очень подробно останавливается на обстоятельствах, являющихся бичом колонистов, но наперед говорит, что и с насекомыми легко справиться. Животный мир очень богат, но более хищные животные уходят далеко от поселения людей, только изредка в долине Маркапат попадают ягуары, очень опасное животное, но казаки их не видели; из животных менее опасных — тапиры, мясо которых очень вкусно, дикие свиньи, обезьяны разных пород. Нужда принудила казаков есть обезьянье мясо, которое оказалось очень вкусным. Из птиц ели попугаев, тетеревов и „желтохвостку“ (птица, похожая на сороку, с желтым хвостом, поэтому и окрещена казаками в желтохвостку).

Змей очень много, есть и ядовитые, но борьба с ними всегда возможна и победителем выходит человек.

Во время расчистки земли и постройки домов, много змей было убито, но никто из казаков от укуса змей не пострадал. Вампиры (это род летучей мыши)

весьма неприятное животное; оно высасывает кровь у животных — лошадей, коров, мул и пр., но при хороших конюшнях, а именно имея окна с густыми решетками, борьба с ними вполне возможна. На хуторах, выше упомянутых, конюшни хорошо оборудованы и животные не страдают от вампиров. Если же не предохранить животных от вампиров, то достаточно 10-15 дней, чтобы животное пропало от укусов.

Насекомых также много и есть вредные. Есть москиты, но это зло терпимое, а вот есть особая порода мух, которая жалит главным образом в голову и борю, т. е. в места, покрытые волосами. Муха эта маленькая. Есть муравьи величиной в палец, укусы их не из приятных; после укуса болят суставы. Докладчик остановился на насекомом, которое называется „турниш“; эта бабочка кладет свои яички на белье, когда оно сушится; когда уже белье на человеке, то от теплоты из яичек выходит личинка, которая входит в тело, обозначая свое местонахождение двумя усиками. Выдавливаться ей ни в коем случае нельзя; применяются тамашние народные средства: „растирается мыло с табаком и накладывается на пораженное место; личинка от этого пропадает; процесс этот проходит болезненно.“

О болезнях отец Михай говорит мало. Благодаря здоровому климату, отсутствует малярия разных видов; конечно, отдельные заболевания есть, но это нельзя отнести к обычному явлению.

Я уже говорил выше, что докладчик не раз указывал на плодородность земли долины Маркапат. Растет все, но сеют там главным образом следующее: коко — это дерево, напоминающее березу, из него добывается кокан; листья же его в сушеном виде индейцы жуют, а на вопросы: для чего это? — обычно отвечают, что если бы они не жевали коко, то не смогли бы работать. Сахарный тростник, который в изобилии произрастает там, идет главным образом на водку, которая там в большом спросе. Юка, это род картофеля, очень вкусна, заменяет хлеб. Произрастает кофе, какао, рис (но не азиатский, а тамашней особой породы), кукуруза, арбузы, дыни, ананасы. Все европейские овощи произрастают, давая хороший урожай; весь скот т. е. всех пород, может там жить, если будет корм.

Когда батюшка уже подвигнул свой доклад к концу, то казалось, что уж особенного ужаса и нет, хотя перед началом и было предупреждение, что доклад будет печален. Что же погубило колонию? О. Михай указывает на два главных обстоятельства — это: вина колонистов в том, что они расселились хуторками на протяжении двадцати километров, тогда как рекомендуется селиться станицей и также сообща заниматься очисткой земли. А расселение хуторками создало неудобства в получении пайка, который был хотя и плоховат, но все же не позволял голодать. Правда, говорит он дальше, это одно все же не могло провалить дело, так как казаки упорно не желали расстаться с землей, уже приведенной ими в порядок. Второе обстоятельство, которое доконало колонию, это то, что денежная правительственная помощь — 15 солей в месяц, пришла со значительным опозданием.

Заканчивая доклад, о. Михай заявляет, что он категорически возражает против обвинений, которые возводятся на казаков, — обвинения в пьянстве и безхозяйственности. Все очень охотно и дружно работали. Казаки не отставали от мужчин. Не было казака, который не очистил бы хотя одного гектара земли, что несомненно по тамашней местности — большой труд. Казаки героически боролись со всеми лишениями в течении 8 месяцев. Приди помощь несколько раньше, то колония сохранилась бы. Когда батюшка уезжал отсюда, то там оставалось до 20 человек, которые, очевидно, уже не бросят колонию, т. к. начали получать правительственную помощь.

В заключение докладчик говорит, что переселение в Перу вполне возможно, но на месте нужно, учтя опыт казаков, селиться вместе. Подготовительную работу по переселению нужно поставить иначе, чтобы не попались случайные люди, которые в будущем будут только помехой.

Еф. Якименко.

Господину Редактору журнала „Вольное Казачество“.

Уважаемый Господин Редактор!

Прошу не отказать напечатать в редактируемом Вами журнале нижеследующее. Я послал в редакцию журнала „Родимый Край“ письмо следующего содержания:

„Милостивый Государь, Господин Редактор! Прошу напечатать в редактируемом Вами журнале нижеследующее: в номере 6-м своего журнала Вы, в своей статье „О самостоятельности“, ловко умолчал о всех серьезных принципиальных положениях „Ответов „В. К.“, стали на путь личного поношения своих противников. В частности, в отношении меня Вы прибегли к самому легкому и недостойному способу, назвав меня, без всякого к тому основания, „Калмыцким Голубовым“, т. е. большевиком.“

Сравнение меня с большевиком, разогнавшим Донской Круг, расстрелявшим достойного его Председателя Волошинова, столь же достойного Донского Атамана Назарова; сравнение меня с большевиком, пролившим много казачьей крови, зачинщиком неисчислимых страданий и несчастий Казачества — я считаю для себя тяжким оскорблением, а того, кто без всякого к тому основания делает подобное сравнение — нечестным человеком.

Заявляю, что я никогда большевиком не был и не могу быть по той простой причине, что кровь тысячи моих братьев и сестер, убитых и по ныне убиваемых большевиками вопиет против этого. Ни один честный калмык, видевший те жуткие страдания, те неисчислимые материальные и человеческие жертвы, какие понесли калмыки, благодаря большевикам, на всем протяжении пути Маныч — Черное море не может стать большевиком.

Мою чисто деловую критику „деяний и действий“ ген. А. Богаевского („бессменного“ Донского Атамана) ни один добросовестный человек не может квалифицировать, как преступление перед Казачеством. От того, что Донское Казачество, к своему несчастью, лишено возможности выбрать себе достойного Атамана, ген. Богаевский не может превратиться в святого человека, критиковать которого может почитаться смертным грехом. Примите уверение в совершенном и пр. Ш а м б а Б а л и н о в.“

Но г. редактор „Р. К.“ не поместил это мое письмо целиком, потому что в нем, как пишет г. Мельников в номере 6-м „Р. К.“, приводя только выдержки из моего письма, „есть некорректные выпады против Войскового Атамана“, „ругань“, „базарные пересуды и перебранки“, „и другие ругательства“.

Может ли хоть один объективный человек усмотреть в моем письме хоть приблизительно подобное, чего можно определить этими мельниковскими словами? Пусть об этом судят читатели „В. К.“.

Но приведя лишь выдержки из моего письма и, по обыкновению извратив их смысл, г. Мельников счел необходимым развить демагогию на тему святого почитания казачьей традиции и я считаю необходимым разъяснить некоторые его пункты:

1) В своем журнале г. Мельников, очевидно, за именем других порочащих меня аргументов, назвал меня „Калмыцким Голубовым“, т. е. большевиком, против чего я протестовал своим письмом. Теперь он пишет, что „мы охотно верим словам Ш. Балинова, что он не большевик, даже больше того — мы знаем это“...

Мельников это знал и тем не менее назвал меня „Калмыцким Голубовым“, который, действуя во главе большевиков и вместе с ними, совершил величайшее злодеяние над Донским Казачеством. Но Мельников полагает, что сравнение с Голубовым — совсем невинная штука, ибо Голубов „коммунистом не был“. Полагаю, что сами читатели „В. К.“ дадут моральное определение этому Мельниковскому „трюку“.

2) Мельников проявляет сильное беспокойство за судьбу Калмыцкого народа, но он „не может ругаться“ за то, как бы „калмыцкий маленький народ“ не понес („уже в будущем“) жестокое наказание за слова „утра-

тившего чувства реальности" Балинова: „будем бороться всеми силами, вплоть до физической“.

К чему лить крокодиловы слезы, г. Мельников! Должен заявить, что я всегда говорю и действую от своего собственного имени и за мои слова и действия никто, тем более народ в целом, не может нести наказание. Во-вторых, г. Мельников, приводя мое заявление из старой статьи, по своему обыкновению, совершил над ним маленькую, но грязную „операцию“. В моей статье сказано: „Вольные казаки прямо заявляют: будем бороться всеми силами, вплоть до физической“. Не нападать, а бороться, защищая кровные интересы и права Казачества! А в переделке Мельникова получилось, что я от имени Калмыцкого народа веду „воинственную проповедь против русского народа“, собираюсь поднять калмыков на войну с русским народом.

Я не утратил еще чувства реальности и понимаю смехотворность, если бы вопрос стоял так, как Вы, г. Мельников, пытаетесь выставить, бессовестно передергивая, подтасовывая чужие слова, мысли. Но всякий честный человек поймет и скажет, что вопрос идет в данном случае об объединенном, едином Казачестве, составной частью которого является и народ Калмыцкий. А такое Казачество может жить свободно, самостоятельной жизнью и достойно защищать свои интересы, вплоть до физической борьбы.

3) Г. Мельников выставляет себя верным блюстителем казачьей „седой старины“. „Для нас, — пишет он, — выборный Войсковой Атаман — символ казачьего единства и казачьего права, носитель бесконечно дорогой для казака идеи, казачьей выборной власти; выборный из казаков войсковой Атаман — это то, к чему казачество стремилось веками, и мы отказываем в уважении тем казакам, которые, забыв казачьи традиции, позволяют в наглом тоне говорить о выборном Атамане Войска. Мы считаем это оскорблением не только для Атамана, а для всех нас, для целого Войска, его избравшего, для всего казачества, чтущего святыне традиции седой старины“.

Поистине странное понятие у г. Мельникова о „святыне традиции седой старины“ и бесконечно его самознание, когда он отказывает в своем уважении всем вольным казакам. Я, Мельников, так сказать, излучаю из казачьей семьи те сотни и тысячи вольных казаков, которые не желают беспрекословно меня слушаться, не хотят превратиться в бессловесных автоматов!

Да, Казачество чтит и уважало своего Атамана, но никогда из него не делало идола; да, умение подчиняться своему выборному достойному Атаману — казачья традиция, но и казачья обязанность — указывать на ошибки и промахи Атамана, критиковать его; да „бесконечно дорога для казака идея казачьей выборной власти“, но также бесконечно грустно для него, если эта власть не ведет себя достойно, не соответствует своему назначению, еще хуже, если эта власть сознательно не выполняет своего долга; да, казаки выбирали себе Атамана, но никогда не выбирали себе поизмененного Атамана.

И когда обо всем этом говорят вольные казаки, то Мельников „отказывает им в уважении“, считает это, „недостойным выпадом“, „наглым тоном“.

Когда сам Мельников пишет, что огромная Донская казна, находившаяся в его бесконтрольном распоряжении, „теперь кончилась“, разве казаки не вправе спросить — куда и как? Когда по улицам европейских городов ползут слухи, что Атаманская Булава, символ казачьей власти, находившаяся в таком надежном хранилище, как Чешский Национальный Музей, кем то оттуда изъята и неизвестно где хранится — разве казак не вправе спросить — почему изъята и где она хранится? Когда вместительный сундук Донской казны кем то опустошен, казачий офицер-инвалид вынужден работать на фабрике по десять часов, не имея от своего правительства никакой помощи, а беднящий этим сундуком Мельников, как говорят, в центре Франции купил землю, построил себе собственную виллу, — разве не долг казака спросить — почему и как?

Разве „святыне традиции седой старины“ требуют сокрытия „махинации“, своих верхов?

Разве стремление рассеять позорящие Казачество слухи — преступление, за что можно причислить к этому стремящимся к лагерю большевиков и исключить из семьи казачьей? С каких это пор искание правды стало почитаться „наглым тоном“?

Разве не долг казака спросить обо всем этом и требовать отчета? Разве не долг г. Мельникова, „Председателя“ Донского Правительства, дать исчерпывающий, неопровержимыми документами оправдываемый, ответ на все подобного рода естественные вопросы?

Да, долг казака требовать отчета и долг Мельникова дать полное удовлетворение. Но последний от выполнения своего прямого долга уклонился, скрывшись за красивой, но фальшивой фразеологией. Очевидно, ему нечего отвечать.

4) „Для печатания ругани у г. Балинова есть другие издания, где корректность тона не считается обязательной и где принято спор переносить на личную почву“ — пишет г. Мельников.

Опять ложь! с больной головы на здоровую! „Вольное Казачество“ никогда первым не начинало спора с казаками. Оно исходило из одного принципиального положения — беречь казачье имя, к какому бы политическому лагерю оно не принадлежало, исключая, конечно, большевиков. И это положение им соблюдалось до последней возможности. Интересующийся этим может легко это выяснить, проследив все полемические статьи в „В. К.“ — все они являются вынужденным ответом на злобные нападки тех, кто ныне пытается разыгрывать из себя олицетворения невинности. Точно также не соответствует действительности упрек Мельникова „В. К.“ „где принято спор переносить на личную почву“. „В. К.“ избегает этого и, зная нравы своих противников и не желая дать своим противникам возможность переносить спор на личную почву, оно иногда полемические статьи печатает под псевдонимом. Но г. Мельников, ничего не имея возразить по существу написанного и желая отделаться только поношением автора статьи, организует специальную „Анкетную Комиссию“ для розыска автора, чтобы перенести принципиальный спор на личность автора.

Пристала ли после этого Мельникову тога рыцаря чести?

Конечно, надо иметь уважение и к своим противникам, но бесконечно трудно вести полемику с таким недобросовестным противником, как г. Мельников.

Шамба Балинов.

Казаки в Долове.

Долово чисто сербское село с 7000 населением. Там, как и всюду, живут дружной семьей казаки кубанцы, и один донец Голганов — председатель конлонии. Все пропитаны вольно казачьим духом. Большинство живет в общежитии, которое им устроило местное управление. Некоторые женаты на местных селянках и живут в домах своих жен.

Занятие у них разнообразное. Но большинство занимается поденщиной. Есть, как и всюду, мастеровые, ремесленники на всевозможные лады.

Живут все дружно. Не на минуту не забывают свою родину, всегда рвутся, туда, где блещет на солнце седой Тихий Дон, катит свои волны взмученная Кубань и с грохотом перекатывает камни Бурный Терек. С нетерпением ждут каждый раз журнал „В. К.“, который в одно мгновение проглатывается и ожидается новый...

Г. А.

К годовщине смерти есаула Фед. Георг. Савина, каз. ст. Суворовской.

Спи, герой родной Кубани; ты уснул навеки сном; не пробудит тебя стенанье, ни боевой военной гром. Ты помнишь бой тот на Стоходе, его ты лихо совершил; иль в Кубанском то походе никогда ты не плошал. Свое ты дело знал прекрасно, хранил заветы стариков и все ты делал не напрасно, любя душою казаков. Ты сделал с сотней реалистов поход Кубанский

Памятник есаулу САВИНУ.

до конца! они тебя так обожали и любили, как отца.

Сосыку станцию брал с боем, или бой вел вдоль по реке... там снаряды рвались с боем; боль почувствовал ты в руке. Ты от боли уклонился, перевязан был сестрой и снова в бой явился — поддержать сотни строй.

Командир ты был примерный, строгий, гордый и лихой. Как казак — Кубани верный... К остальному

был сухой... Провел годы на чужбине, похода на родину все ждал, а его нет и доныне и ты душу Богу отдал. Видно Ему угодно было от нас тебя взять... Мир праху твоему и вечная память.

Д. Тырин. (Германия 1930 г.).

М. Г. Господин Редактор!

Покорнейше прошу Вас не откажите поместить в журнале „Вольное Казачество“ следующее мое обращение ко всем казакам:

По приезде казаков из родных краев в Европу, мы попали в другие климатические условия. Казаки с хорошим здоровьем легко перенесли перемену климата, а другие, со слабым здоровьем, не перенесли и заболели.

Ко второй категории я отношу и нашего донского казака Федора Петровича Макашева, проживающего в настоящее время в Чехии, Marjanské Hory, Lhotecka ul. č. 7. на Moravě, который уже второй год по болезни не может работать. Его жена тоже уже месяц лежит в Госпитале (а за нее нужно платить). К тому же он имеет еще две девочки: одна 2 года, а другая 3½.

Никто не откликнулся на его стоны, кроме московских господ, предлагающих ему помощь, если он запишется в их организацию (освобождать Москву!).

В виду изложенного, я обращаюсь ко всем казакам с просьбой о помощи нашему же брату казаку, кто чем может.

Е. Т.

Вещи и деньги прошу направлять по вышеприведенному адресу.

„Ковыльные волны“ — новый калмыцкий журнал.

Вышел и поступил в продажу 1-й № литературно-политического журнала „Ковыльные Волны“ на калм. и русском языках, изданный литографским способом. Цена — 5 фр., 7 кр., 10 динар, 15 лев.

Можно получать: в о Франции — У Балинова, 11 rue Vanier Joinvill le Pont (Sein).

В Чехии — у Балыкова, 11, ul. Rostislavova, Praha XI.

В Югославии — У Менькова. Улица Буддйиска, 4. М. М. Луг. Белград.

В Казаки.

Раз'яснительная работа и руководство по-большевицки.

(Окончание).

Далеко хуже обстояло дело там, где допускались „перегибы“ и „извращения директив“. Там, как например, в станице Убеженской, Лабинского отдела, „раз'яснители“ сидели не только во всех комнатах станичного совета. Один из них с соответствующим количеством помощников из милиции и комсомола располагали в конюшне, куда после надлежащей исповеди направляли „упорствовавших“. На столе у „товарища уполномоченного из окружного центра“ лежит наган, милиционеры — с карабинами.

— Так ты, бандит, отказываешься взять облигаций на 800 рублей?

Не могу. У меня для семьи не хватит хлеба до нового. Все вывез вам. Самому покупать придется. На 100 р. могу взять, а на 800 у меня не хватит и половины моего хозяйства...

— На 1000 берешь?.. Нет?!? Ах, ты...

Уполномоченный подсказывает со стула и рукояткой нагана бьет казака по лицу, по голове, в грудь. Но казак стоит на своем.

— Не берешь 1200? Да ты знаешь, что мы можем расстрелять тебя, как собаку, здесь же и сию минуту?!

„Не имеете права. Возьму на 100, больше не могу“.

— Так вот что, голубчик: даем тебе 5 минут на размышление, а потом ты увидишь, на что мы имеем право!

Вводят другого. После доказательств от рукоятки нагана этот дает подписку на 1000 рублей.

— Ну-с на 1200 берешь? Нет?! На 1500 берешь? Нет?.. Ну-ка, ребята, возьмите его, мы ему, белогвардейской сволочи, покажем наше право!

Привязанного за руки и за ноги к стоящей в глубине конюшни лестнице, его бьют кулаками и прикладами. Когда же и это не помогает, по нему дают залп из трех карабинов холостыми патронами. Потом снова бьют, пока он не поймет, что ему надо взять на 1500 р. облигаций „займа укрепления сельского хозяйства“.

Легко может показаться, что это — преувеличения, так сказать, поклеп на большевиков и их советскую власть. А между тем здесь нет никакого преувеличения, и все о чем идет речь, может быть даже слишком бледно рассказывается на основании рассказов хуторян юрта ст. У., вместе с которыми пишушему эти строки пришлось сидеть в одной камере Армавирской тюрьмы в январе — апреле 1928 г.

Благодаря тому, что один из „раз'ясненных“ таким образом оказался отцом красноармейца-территориальника, убеженский „перегиб“ получил широкую огласку

и привел в такое возбуждение всю территориальную часть, что армавирские окружные власти должны были принять экстренные меры на случай возможного восстания. Армавирский гарнизон, партийные и комсомольские организации были приведены в боевую готовность, надежным рабочим было выдано оружие и т. д. Убежденная история была объявлена перегибом, извращением генеральной линии советской политики, и „виновные“ были преданы показательному суду.

Однако, весь этот шум был поднят под влиянием перепуга от создавшегося настроения среди территориальников и для того, чтобы сгладить создавшееся впечатление. Вскоре же „виновников“ перевели куда-то в „центр“, откуда несомненно их отправили с соответствующим повышением, как „незаменимых работников“, на какую-нибудь другую „окраину“, где они будут также подвизаться.

Раз'яснительная же работа с нормальными, так сказать, перегибами, без „головотяпских“ расстрелов холостыми патронами, но с доказательствами от рукоятки нагана практиковалась и теперь, несомненно, практикуется в широких размерах.

По выходе из тюрьмы, на Пасху 1928 г., мне пришлось быть в ст. Л. Проходя по старой церковной площади, около районной амбулатории, я увидел толпу человек около 40—50. Подхожу, — в чем дело, что случилось? Сидя на возу в центре толпы, ораторствует хлебороб-казак, как-то странно и нескладно жестикулируя руками и то одевая, то снимая чулки с ног.

— Что такое? — спрашиваю тут же стоящего хлебороба: — что случилось?

„А вот видите, не понял чудак, что это для нашей же пользы надо отдавать государству и хлеб, и все, что имеешь, и сошел с ума... У него забрали весь хлеб, молотилку, две пары лошадей с бричкой и линейкой, а ему надавали облигаций. Из Курганной привезли, а тут не принимают, говорят, — в Ставрополь надо отправлять...“

Узнав, что я казак, из дальней станицы и только что из тюрьмы, мой собеседник участливо предложил мне пойти к нему пообедать. В это время больной соскочил с воза и босой, с чулками в руках быстро побежал в амбулаторию. Толпа шаркнулась в стороны. Мы отошли и направились в сторону новой церкви, куда я собственно и шел, чтобы послушать хороший хор.

„Да, — продолжал он уже более откровенно: — жизнь наша такова, что мы скоро все сойдем с ума. Вы думаете, что это — новость для нас? У нас в Л., тоже один сошел с ума, а другой повесился. И человек был, что называется, тише воды, ниже травы, а вот доняли же. Это еще когда начинали распространять облигации. Дали ему на 150 р., для распространения по десятку. Никто, конечно, брать не хочет. Заплатил свои. Те обрадовались и дали ему еще на 200 р.: раздарт, мол. Продавал бычков-подростков, яловку, семячку, уплатил и за эти. А ему еще на 200 р. всунули. И человек повесился.“

— Что же, не понял, значит, пользы государственной?

„Мы-то хорошо понимаем, что до тех пор, пока ваньки сидят у нас на шее, мы — не хозяева своему долбу да и сами себе. Да ведь что же сделать голыми руками?.. Вот вы были „там“. Что же делают наши, можно ли хоть на какую-нибудь помощь надеяться от них? А наше положение таково, что действительно хоть сходи с ума или вешайся... Хоть бы война какая, хоть бы Англия нас захватила или Турция, хоть бы Китай даже. Лучше под Китаем жить или с самим чертом, чем с такими „братьями“. Хуже не может быть, а на лучшее все же можно надеяться. Единственное спасение — война, мобилизация... до оружия бы только добраться...“

Не обязательно, конечно, чтобы именно в Л. мне пришлось слышать такого рода разговоры. Факт тот, что так думаю, а часто и говорят вслух и не только в Л. или Н., но и в Б., и в С., и в А., и в Р., и в Н. — везде, где есть казак.

С начала осени в связи с хлебозаготовительной кампанией и в особенности в связи „с необходимостью поднять новую волну коллективизации“ большевистские

газеты снова стали пестреть криками о необходимости усиления „партруководства“ и „раз'яснительной работы“.

Читателям „В. К.“, которые не могут, конечно, не интересоваться тем, что делается на родине, и которые, надо полагать, охотно и внимательно прочтывают помещаемые в журнале выдержки из советской прессы, будет несколько легче разобраться в большевистском жаргоне после приведенных пояснений.

Ф. В.

Что делают большевики?

Большевистские газеты пестрят „оперативными сводками“, „достижений“ и „заданий“ по хлебозаготовкам и осеннему севу.

„Закончить сев в кратчайший срок!“ вопит „М.“ 25 октября. А дальше — „мертвый штиль в ударной станице“, „на поводу у кулака“ и т. п.

„В октябрьском. хлебом походе не должно быть ни одного отстающего района. Лабинских оппортунистов, гнилыми темпами работы срывающих в угоду кулаку ударный десятидневник — к ответу!“

„Тверже нажим!“ — жмет „М.“ 29 октября.

„М.“ от 7 ноября наполнен, конечно, соответствующими лозунгами „мировой революции“. Там же мы, живущие в Европе, узнаем, что „Мощными стачками заговорил Берлин. Удар за ударом по самым корням капиталистической системы наносит мировой экономический кризис. Неотвратимой угрозой над странами „цветущего“ капитализма нависли миллионы обреченных на голод безработных. В мощный кулак на залитой кровью китайской земле собираются крепко сколоченные советские отряды. Миллионы пролетариев и угнетенных всего мира становятся на путь борьбы за Советы. Социализм побеждает... — И дальше — в том же духе. И это в то время, когда не только коммунистическое, но и вообще социалистическое движение переживает действительный кризис, из которого — кто знает — как и когда оправится?

Что касается „внутренней“ политики, то здесь остается все по старому: „Развернем шире зная сплошную коллективизации! Уничтожим кулачество, как класс!“ „Вперед за совхозы и колхозы — главную опору советской власти в деревне!“

А на следующий день — все та же „старая история“: „планы хлебозаготовок, осеннего сева и зяблевой вспашки должны быть выполнены“.

„Ударное выполнение годового плана хлебозаготовок сочетать с организацией массового прилива в колхозы. Ведя беспощадную борьбу с правой и „левой“ оппортунистической практикой, сломив сопротивление кулацко-зачиточной верхушки немедленной и полной реализацией твердых заданий по хлебу.“ („М.“, 11 ноября).

Это на первой странице. А на последней узнаем, как есть в действительности. „Армавирские оппортунисты проваливают план заготовок картофеля“. „Срывается план зяблевой вспашки под корма и огороды.“ А посему „решительно ударить по бездействующим кооператорам, срывающим эту важнейшую кампанию“.

Еще через день: „Утроить темпы хлебозаготовок... В беспощадной борьбе с оппортунизмом завоюем полную победу на хлебном фронте“.

„Лабинский, Славянский, Мясниковский и Миллеровский районы недопустимо снижают темпы“.

Дальше следует более общее признание: „Итоги первой декады ноября тревожны“.

— В последние дни большевистские газеты полны и другим вопросом — вопросом подготовки „мировой буржуазии“ войны против „государства трудящихся“. Дальше оказывается, что и внутри царства советов есть некоторые „вредители“, которые определенно рассчитывают на „интервенцию“. Как и полагается, конечно, „М.“ утверждает, что „ставка интервентов будет бита“.

Розыски.

И. Т. Евтухов (Evtoucoff, 40, rue S-t Cloud, Billancourt, (Seine), France) розыскивает своих родственников и станичников.

Среди русской эмиграции.

(Письмо из Парижа).

На днях состоялось собрание „Дней“, на котором происходили прения по раньше состоявшемуся докладу А. Керенского на тему о „перемене тактики“, в связи с создавшимися условиями революционной ситуации в СССР. Выступали на собрании несколько ораторов, ничего интересного не сказавшие. Но в их числе выступал г. Бунаков-Фундаминский, произнесший речь, в которой произвел прекрасный анализ положения в СССР. И я хочу об этой его речи сказать несколько слов, вернее постараться привести ее, как она сохранилась в моей памяти.

... Настал великий переломный момент, нужно готовиться к великим событиям. НЭП заменили СТЭП'ом. Эта Сталинская новая экономическая политика создала в стране голод, порождает всеобщее недовольство, даже в самой компартии пошли раздоры, центральная власть изолирована. Это создает в стране революционную ситуацию, власть, припертая к стене, прибегает к последнему безумному средству — ко всеобщему террору. Голод, террор и изоляция власти создают в стране революционную ситуацию. Нужно готовиться к грядущим великим событиям, а для этого нужна новая тактика. Диктатура в центре, советы на местах. Власть переходного момента. Минимум программы, максимум действий для всех партий и течений. В мирное время партии должны иметь максимум программы и минимум действий, ибо в мирное время партии набирают силы, привлекают к себе сторонников. Для этого нужна большая идейная работа, т. е. больше программы. В революционное время, какое создалось в СССР теперь, партии должны иметь минимум программы, максимум действий...

— Так, примерно, говорил в своем докладе Керенский. Верно ли это? Может ли голод, террор и изоляция власти создать революционную ситуацию? Нет не может. Это ошибочный подход, непонимание всего того, что происходит в стране, неправильное понимание природы и сущности советской власти.

К сожалению для нас, голод не может создать революционной ситуации в России. Для европейцев, привыкших жить сытой и довольной жизнью, голод может породить недовольство, создать революционную ситуацию. Но для народов России, для которых голодное состояние является перманентным явлением, голод ничего не значит; не может создать революционной ситуации. Он только порождает пассивность и депрессию. Не так давно сам Керенский говорил: голод вас породил, сытость вас убьет. Почему теперь совершенно обратное — голод вас убьет?

Страшный террор советской власти свидетельствует о наличии революционной ситуации в стране, говорят нам. Так ли это? К сожалению, нет. Для привыкших к праву и порядку европейцев террор — показатель революционной ситуации, но не для России, где народ привык к вековому рабству. В Европе, где существуют нормальные государственные власти, террор может явиться тогда, когда в стране появятся серьезные силы, враждебные правительству, отражающему действительное настроение своей страны.

Но, в России другое дело. Природа советской власти совершенно иная и надо постараться понять природу этой власти. В России революционной ситуации нет, а существующий террор — террор „предупредительный“, предупреждение возможности появления революционной ситуации.

Изоляция власти... Верно ли это? К сожалению, это неверно. Да, огромное большинство народа недовольно властью, оно было бы радо, если бы Сталин с присными провалился. Но это не изоляция власти. У советской власти есть свое окружение, числом своим доходящее до 7—8 мил. Эти 7—8 мил. людей полны энтузиазма, пафоса, живут идеей о всемирном коммунизме. Когда сов. власть вынуждена иногда отступать от своей прямой цели, в этом окружении создается недовольство и это для власти опасно. „Пятилетка“, уничтожение, путем террора „буржуев, как класса“ — есть приближенные к основной цели коммунистов — ко всемирному коммунизму и эти меры находят полное удовлетворение в коммунистическом окружении, это окружение не отвернулось от власти. Пока это окружение не будет разложено, не может быть речи об изоляции советской власти. А для этого, для разложения этого окружения, необходима большая положительная и привлекательная

программная, идейная работа. У нас этого, к сожалению, нет, а лозунг Керенского — минимум программы, максимум действий — хранит в себе большую опасность. Когда я наблюдаю за работой нашей молодежи, например, РДО или младороссов, я прихожу в ужас, ибо там полное убожество, идейная скудость. И люди, приходящие к нам из сталинского окружения, у нас ничего не находят и, естественно, они пойдут обратно...

Для того, чтобы избрать верную тактику борьбы с большевиками, необходимо понять природу и сущность советской власти. С обычной европейской меркой к ней подходить нельзя. Все мероприятия советской власти с обычной точки зрения безумны, но с точки зрения большевиков, их основной цели — они все целесообразны и необходимы. Все правительства государств имеют своей целью — благо своего народа. И, если меняют иногда направление своей политики, то только руководствуясь благом своего народа. Не так дело обстоит с советской властью. Ее единственной целью является мировой коммунизм и все средства, ведущие к этой цели, хороши. Россия, русский народ только средство. Чтобы советская власть ни делала, разные ее зигзаги, отступления — все это ничего не значит, все это только обхождение встречающихся на пути препятствий. Корабль, плывущий по бушующему морю, встретив на пути препятствие — противное течение, сильную бурю и т. д. — обходит их, иногда даже берет совершенно обратное направление, но потом опять непременно идет к своей цели. Точно также и советская власть: чтобы она не делала, все делается для целей мирового коммунизма, а не для блага народа.

Когда большевики НЭП заменили СТЭП'ом, люди стали видеть тут слабость большевиков. Это неверно, введение пятилетки — это свидетельство сил большевиков. Временно отступив, передохнув, большевики, почувствовав свою силу, решили приблизиться к своей основной цели. Говорят, что пятилетка не удалась, кончается крахом и т. д. Это тоже неверно. Правда план целиком не выполнен, но он выполнен на 30%, а это очень много и иностранцы этим поражаются. Для того, чтобы успешно бороться с большевиками, нужно правильно понимать происходящие события, мужественно говорить правду и принимать мужественные решения.

Пятилетка, к нашему несчастью, большевикам удастся, в этом кроется страшная и для нас и для мира опасность. Производится индустриализация огромной страны, люди прикрепляются в городах, за последнее время городское население сильно увеличилось. Все „кулаки“, „непманы“, „буржуа“ истребляются, однородная голодная крестьянская масса обстает, прикрепленная в колхозах. В этом страшная сила большевиков. Они, держа в своих руках ключ индустриального и коллективного хозяйства, имеют возможность управлять большим человеческим морем.

Огромная промышленность вырабатывает военное снаряжение. Большевики могут вооружить всем необходимым миллионную армию. Сейчас мир дрожит, все судорожно ждут войны.

Опасность войны только со стороны СССР. У них цель: внезапным ударом напасть на Польшу, разгромить ее, занять всю ее территорию. Тогда раскрывается огромное поле действия, большевики непосредственно приближаются к немцам, соединяется огромный немецкий человеческий материал и техническое оборудование большевиков. Вот, что страшит мир.

Трагедия наша заключается в том, что европейские государства, думая, что при большевиках Россия будет слабой, нам не желают помочь. И наша задача — показать миру, что это не так. Максимум программы и максимум действий. Наша обязанность — большой идейной работой внести разложение в большевицкое окружение. Для борьбы с большевиками все средства хороши, за исключением плохих средств, т. е. средств, не ведущих к нашей цели. В борьбе с большевизмом мы смело можем принять даже... пораженчество. Если, скажем, большевики объявят Польше войну, то мы можем стать на сторону Польши. Если нужно для свержения большевизма пожертвовать какой-нибудь частью России, то можно согласиться на отторжение небольшой части (а если потребуют большой кусок? — спрашивают из публики. „Подумаем“ — отвечает Бунаков, улыбаясь).

Так говорил русский социалист-революционер. В следующую пятницу будет продолжение собрания. Наверно будут поносить Бунакова. Интересно. Но об этом потом.

Ш. Б.

Казаки!

Подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В других странах	1 1/2 ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Fochová, 130. Tchécoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.